

АДРИАН НОРТВЕЙЛ

КОРОЛЕВА ИНВЕСТИЦИЙ



Она управляла миллиардами,
но оказалась не готова к тому,
что собственная жизнь рухнет
в одночасье

Адриан Нортвейл

**Королева инвестиций. Она
управляла миллиардами,
но оказалась не готова
к тому, что собственная
жизнь рухнет в одночасье**

«Автор»

2026

Нортвейл А.

Королева инвестиций. Она управляла миллиардами, но оказалась не готова к тому, что собственная жизнь рухнет в одночасье /

А. Нортвейл — «Автор», 2026

Миллиарды под контролем. Собственная жизнь летит к чёрту. Она привыкла побеждать. Но сегодня в её телефоне фотография мужа с другой женщиной, в кабинете полиция, а коллега уже примеряет её кресло. Отец потерял три миллиона, которые она тайком взяла из денег свекрови. И всё это на втором месяце беременности, выстраданной после нескольких попыток ЭКО. Плакать некогда. Объяснять, как ей больно, некому. Каждый, кто вчера восхищался «королевой инвестиций», теперь ждёт, когда она окончательно рухнет. Только она слишком дорого заплатила за свою жизнь, чтобы молча отдать её чужим людям. Большие деньги, семейные тайны и ярость женщины, которую загнали в угол. Здесь хочется сжать кулаки, крикнуть «не верь ему!» и читать дальше, даже когда давно пора спать.

© Нортвейл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 13	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Адриан Нортвейл

Королева инвестиций. Она управляла миллиардами, но оказалась не готова к тому, что собственная жизнь рухнет в одночасье

Глава 1

В этом мегаполисе, входящем в тройку лидеров по ВВП страны, в высотных зданиях на перекрестке Санфу сосредоточены финансовые компании, управляющие более чем 50 % национального богатства. В самом высоком из этих небоскребов располагается финансовая группа «Тонда». Здесь, на 55-м этаже с потрясающим видом на город, работает Фан Фэй — самая молодая глава департамента инструментов с фиксированной доходностью фонда «Тонда».

Эта отрасль приносит невероятные прибыли, но попасть в неё непросто: здесь нужны выдающиеся способности.

Работа в ней даёт престиж и большие доходы, но вместе с тем приходится выдерживать немало критики.

После гормональной стимуляции, трёх переносов эмбрионов и множества анализов крови она наконец забеременела. Сейчас у неё второй месяц, и Фан Фэй мучается от тошноты в туалетной кабинке. Только после того, как её бывший начальник Фэн Чу, пойдя наперекор общему мнению, помог ей занять должность генерального директора с годовым окладом в миллион, она почувствовала уверенность в своём профессиональном будущем и осмелилась задуматься о рождении ребёнка.

После нескольких неудачных попыток забеременеть супруги прошли подробное обследование, в ходе которого выяснилось, что у мужа, Шэнь Юаня, ослабленная подвижность сперматозоидов. Свекровь, Чжан Юйлу, которая всегда была против того, чтобы Фан Фэй вошла в семью Шэнь, и не упускала случая съязвить, услышав эту новость, сразу сникла. А когда Фан Фэй решила сделать ЭКО, отношение свекрови изменилось на 180 градусов: теперь она каждый день баловала её вкусной едой и напитками, не позволяя ей заниматься никакой домашней работой; когда невестка забеременела, свекровь, опасаясь, что та попадёт в аварию и навредит ребёнку, заставила сына возить жену утром и вечером; она даже передала Фан Фэй значительную часть своих сбережений в управление, явно стремясь завоевать её расположение.

«Дзинь-дзинь...» — телефон известил о новом сообщении. Она открыла его и увидела на экране фотографию, на которой пара, похоже, целовалась. Женщина с длинными прямыми чёрными волосами, миниатюрная и милая, закрыв глаза, обнимала мужчину. Увидев родинку у мужчины на губе, Фан Фэй почувствовала укол в сердце, словно его пронзила игла.

Шэнь Юань! Мужчина на экране оказался её собственным мужем, Шэнь Юанем!

В желудке поднялась волна тошноты, и желудочный сок, смешавшись с остатками пищи, хлынул в горло. Её рвало, пот заливал тело, из глаз текли слёзы. Руки и ноги обмякли, и она бессильно рухнула на пол.

Сердце было ледяным, словно зимний песок на морском берегу: когда берешь горсть песка в ладонь, его холод пробирает до костей и проникает прямо в сердце. Вокруг воцарилась тишина, словно все посторонние звуки были автоматически заглушены, но Фан Фэй, к своему удивлению, слышала шум крови, текущей по сосудам.

Внезапно тишину нарушили торопливые шаги, и Фан Фэй пришла в себя. Она услышала голос своей секретарши Ли Вэйвэй, сопровождаемый нетерпеливым стуком в дверь: «Генеральный директор Фан, вы там? Выходите скорее, дело срочное».

Фан Фэй собралась с мыслями, вытерла пятно у губ, поправила одежду, вышла из кабинки и спросила: «В чём дело?»

«Сотрудники отдела по борьбе с экономическими преступлениями уже в вашем кабинете! Пожалуйста, поспешите!» Розовое личико Ли Вэйвэй покраснело, голос её звучал тревожно — обычно такая уравновешенная женщина редко теряла самообладание.

«Говори понятнее, что именно произошло?» Фан Фэй плавно подошла к раковине, помыла руки, привела в порядок макияж и мысленно перебрала все недавние проекты компании — и крупные, и мелкие. В душе у неё внезапно возникло ощущение беспокойства, словно ветер тронул созревшие семена одуванчика, но так и не унёс их прочь.

Вэйвэй покачала головой и сказала: «Приехали пять человек. О конкретных обстоятельствах ничего не сказали, только что ищут тебя. Судя по их напору, боюсь, дело не из простых».

Фан Фэй кивнула и сказала: «В последнее время немало генеральных директоров фондовых компаний забирают в отдел по расследованию экономических преступлений для содействия расследованию. На случай, если дойдет очередь до меня, не забудь запереть сейф и дверь кабинета, пока я не вернусь».

Она аккуратно нанесла слой дорогой помады, предназначенной специально для беременных, и подправила макияж — её лицо тут же вновь засияло, словно по взмаху волшебной палочки. Хотя ей уже почти тридцать и она беременна, её красота, казалось, осталась такой же, как и до замужества, не утратив ни капли своего блеска.

Глубоко вздохнув, она направилась к офису лёгкой походкой, в туфлях на плоской каучуковой подошве. Кто бы ни была та женщина на фотографии в телефоне, ласково обнимающаяся с её мужем, и с чем бы ни пришли сотрудники отдела по борьбе с экономическими преступлениями, она должна была сохранять самообладание, не паниковать и тем более не сломаться.

«Смотрите, это и есть глава департамента инструментов с фиксированной доходностью, управляющая нашими фондами «Тонгда» на сумму свыше 10 миллиардов!»

Двое новичков по подсказке опытного коллеги одновременно устремили взоры за стеклянную дверь и с недоверием воскликнули: «Так это и есть знаменитая „королева инвестиций“ Фан Фэй?»

Коротко стриженная, энергичная, с лёгким естественным макияжем, она излучала уверенность и выделялась среди офисных кабинок, словно яркая роза.

В этот момент к Фан Фэй подошла красавица в чёрном деловом костюме, который не мог скрыть её великолепной фигуры, и заботливо спросила: «Генеральный директор Фан, я слышала, что к вам в кабинет пришли сотрудники отдела по расследованию экономических преступлений. Что же произошло?»

Фан Фэй едва успела успокоиться, как её снова вывело из равновесия этот пристальный кокетливый взгляд.

В центральной части офиса, среди десятков кабинок, сотрудники перестали стучать по клавиатуре, затаили дыхание и прислушались. Вице-президент Гу, чьё влияние сейчас росло, словно тигрица, выжидала удобного момента, чтобы захватить власть и самой стать королевой. Зачем же она вдруг проявляла такую любезность?

Гу Ли, словно пытаясь развеять тревоги Фан Фэй, сказала: «Если вы уедете в управление, компания не может оставаться без руководителя ни на один день. Если возникнут какие-то срочные дела, лучше поручите их мне как можно скорее, чтобы не задержать запуск фонда...»

Взгляд Фан Фэй был бездонным, словно бескрайнее море. Она холодно улыбнулась, положила правую руку на худое плечо Гу Ли и сказала: «Ты так уверена, что в компании что-то случилось? А вдруг они пришли спросить меня о тебе?»

Гу Ли едва заметно вздрогнула, и её правая щека слегка подернулась.

«Не нервничай, я просто пошутила».

Фан Фэй продолжила идти вперед, глубоко вздохнула и распахнула дверь кабинета.

К ней подошёл молодой человек с короткой стрижкой, который пронзительным взглядом окинул её, но заговорил мягко и вежливо: «Здравствуйте, вы Фан Фэй?»

Фан Фэй подошла к своему рабочему столу, села, слегка откинула каштановую прядь волос, спадающую на левую бровь, и только тогда с улыбкой ответила: «Да, это я. Чем могу вам помочь?»

Мужчина вежливо, в соответствии с процедурой, предъявил удостоверение и представился: «Я — Чжан Нин, начальник отдела экономических преступлений Управления общественной безопасности города Шэньган. По анонимному заявлению мы расследуем экономическое преступление, связанное с компанией «Тонда». Вам, как ответственному лицу, необходимо пройти с нами для содействия расследованию...»

Фан Фэй взяла служебное удостоверение офицера и внимательно проверила его — никаких поводов для сомнений не было. Вернув удостоверение Чжан Нину, она спокойно сказала: «Начальник Чжан, я готова сотрудничать с вами в расследовании. Не могли бы вы подождать меня пятнадцать минут? Мне нужно выйти и обсудить с сотрудниками один срочный вопрос».

«Извините, но это невозможно!» — вежливо отказал Чжан Нин. Формально Фан Фэй не была арестована, но дело было серьёзным, а она — ключевой фигурой в расследовании. Поэтому сейчас необходимо было ограничить её передвижения и не допустить контактов с другими людьми.

Фан Фэй впервые столкнулась с подобной ситуацией. Она лихорадочно прокручивала в голове все возможные непредвиденные обстоятельства и пути их решения, но её лицо оставалось бесстрастным.

В офисе царила такая тишина, что было слышно каждое дыхание.

Остальные сотрудники отдела по борьбе с экономическими преступлениями смотрели на Чжан Нина. Хотя подозреваемые в экономических преступлениях редко сопротивляются властям с применением насилия и вряд ли попытаются сбежать, кто-то все же инстинктивно встал у двери.

Пять секунд, десять секунд... Когда Чжан Нин уже собирался поторопить её, Фан Фэй внезапно открыла ящик, сложила в сумку несколько личных женских вещей, а затем быстро включила автоматическую переадресацию почты — она заранее настроила эту функцию так, что любое входящее письмо пересылалось секретарю Ли Вэйвэй.

Её движения были плавными и быстрыми, так что Чжан Нин не успевал за ними следить. Он уже собирался что-то сказать, но в этот момент увидел, что она уже подняла сумку и сама подошла к двери.

Чжан Нин нахмурился. Они пришли, чтобы пригласить Фан Фэй в управление для содействия расследованию, но у них не было ордера на обыск, и они не имели права проверять или изымать компьютер Фан Фэй.

Когда группа из шести человек вышла из кабинета генерального директора, в холле, где обычно кипела жизнь, воцарилась тишина, и почти все присутствующие смотрели на них с удивлением.

Ли Вэйвэй подошла к ним, собираясь что-то сказать, но Фан Фэй взглядом остановила её.

За все эти десять лет Фан Фэй и подумать не могла, что однажды ей придётся покинуть это место под «эскортом» пяти полицейских. К тому же из-за резкого повышения уровня прогестерона во время беременности грудь у неё разрывалась от боли, словно шарик, готовый взорваться, и в тот момент, когда она уже собиралась выйти из холла, у неё даже зрение начало затуманиваться.

Но она всё ещё могла ясно разглядеть, что у двери стоит Гу Ли с лёгкой улыбкой на лице.

— Госпожа Фан, вы уезжаете и неизвестно, когда вернётесь. Есть ли какие-то дела, которые вы хотели бы поручить мне?

— Г-жа Гу, не подливайте масла в огонь! — не выдержала Ли Вэйвэй и тихо прикрикнула.

Фан Фэй сжала кулаки, пытаясь успокоить дыхание, и именно в тот момент, когда все уже думали, что она выйдет из себя, она спокойно сказала: «Не волнуйтесь, я скоро вернусь. Даже если что-то и произойдёт, вы не сможете принимать решения самостоятельно, так что лучше подождите, пока я вернусь, и тогда уже решим!»

Гу Ли не ожидала, что эта женщина, которая вот-вот лишится всего, сохранит такое спокойствие и самообладание. Она неловко улыбнулась и, развернувшись, ушла.

Ли Вэйвэй, не думая ни о чём, выбежала вслед за ней и умоляюще обратилась к Чжан Нину: «Генеральный директор Фан беременна... Пожалуйста, позаботьтесь о ней».

Спустя некоторое время все в офисном холле пришли в себя, и вокруг поднялся гул голосов.

«Что же, в конце концов, произошло?»

«Не знаю! Мы в «Тонда» даже не слышали о каких-то нарушениях при работе с долговыми фондами!»

«Может, генеральный директор Фан лично в чём-то замешана?»

«Что она, женщина, могла натворить? К тому же, как говорят, приехали сотрудники экономического отдела, а не криминального. Наверняка это всё-таки связано с работой».

«Трудно сказать. Она управляет таким огромным фондом, кто знает, не скрыла ли она что-то от компании и не проворачивала ли махинации за её спиной».

«Не говори ерунду! Разве ты не знаешь, какой человек генеральный директор Фан?»

«Тогда, может, это заместитель генерального директора Гу стоит за всем этим...»

«Тсс! Не говори такого!»

«Эх, какая неожиданность!»

«Да, и не подумаешь!»

...

Ли Вэйвэй поспешно обернулась и громким голосом сказала: «Тише! Тише! Все продолжайте работать! Наш генеральный директор Фан скоро вернётся!»

Всё-таки она была секретарём генерального директора и пользовалась определённым уважением, поэтому гул голосов заметно стих.

Гу Ли, однако, с холодной улыбкой подошла к центру офисного зала, презрительно махнула рукой и сказала: «Коллектив не может оставаться без руководителя. Поскольку генерального директора Фан нет, я, как заместитель генерального директора, обязана исполнять её обязанности. Сейчас все менеджеры по продажам должны прийти в мой кабинет и отчитаться о ходе работы».

Несколько человек нерешительно поднялись с мест. Большинство менеджеров по продажам получили повышение благодаря Фан Фэй, и все переглянулись: с одной стороны, они были недовольны тем, что Гу Ли в этот момент, воспользовавшись чужим бедствием, пыталась захватить власть, с другой — боялись, что если генеральный директор действительно уже не сможет защитить даже себя, то, обидев Гу Ли, им в будущем не обойтись без неприятностей.

Глава 2

Сидя в полицейской машине, Фан Фэй сохраняла невозмутимое выражение лица, но внутри её душа бурлила, словно в кипящем котле.

Её «пригласили» в управление по экономическим преступлениям на допрос на глазах у стольких сотрудников компании, и будущее было неопределённым, а её муж Шэнь Юань как раз в этот критический момент устроил скандал из-за измены. И ещё одна ужасная новость: её отец, Фан Дайе, был обманут и лишился 3 миллионов!

«Счастье не приходит вдвоём, а беда не приходит в одиночку». Эта старая поговорка — итог многовекового опыта людей, и в ней, конечно же, есть смысл.

Может, виновата его старческая слабоумие? Но Фан Дайе — всё-таки её родной отец, который в одиночку с большим трудом вырастил её и оплатил её образование. Разве можно сказать, что её нынешняя красота и талант не имеют никакого отношения к этому отцу? С тех пор как в восемь лет умерла её мать от рака, красноречивый, но не имеющий диплома Фан Дайе прошел путь от подсобного рабочего на стройке, переносившего кирпичи, до мелкого предпринимателя, торгующего строительными материалами. Работая с раннего утра до позднего вечера, он был ей и отцом, и матерью, вырастил её — и эту благодарность не переоценить даже за 30 миллионов.

Но этот отец такой ненадёжный!

Обычно он постоянно просил у Фан Фэй денег; если бы речь шла о повседневных расходах на еду и напитки, это было бы ещё ничего, но он «одажливал» у Фан Фэй деньги под предлогом ведения бизнеса, прося за раз от нескольких десятков тысяч до ста-двухсот тысяч, но ни разу не возвращал их и ни разу не заключил ни одной выгодной сделки. А в этот раз он вообще попался на уловку мошенников и лишился 3 миллионов.

Но самое страшное в том, что большая часть этих 3 миллионов изначально принадлежала свекрови Чжан Юйлу, которая поручила Фан Фэй инвестировать эти деньги в облигационный фонд, а она тайно одолжила их Фань Дае.

Как же Фан Дайе оказался обманутым на такую огромную сумму? Об этом нужно рассказать, начав с Ма Чуньхуа — той мачехи Фан Фэй, которую она в душе не хотела признавать.

Ма Чуньхуа сейчас 45 лет; Фан Дайе познакомился с ней после того, как его дочь поступила в университет.

В то время Фан Фэй было 18 лет, и она уже зарабатывала на жизнь подработкой, что позволило Фан Дае, который постоянно суеился и изнурял себя заботами о семье, наконец сбросить тяжелый груз с плеч; почувствовав облегчение, он в то же время ощутил пустоту.

Ведь после того, как он женился на матери Фан Фэй, первые три года были сладкими, а дальше пришлось ухаживать за больной женой. После смерти жены все его силы ушли на то, чтобы зарабатывать деньги, погашать долги и растить дочь — жизнь была горькой и тяжелой.

Теперь он наконец-то может пойти потанцевать, сыграть в маджонг, сходить в ресторан, и вот, постепенно, между ним и Ма Чуньхуа, хозяйкой ресторана сычуаньской кухни, с которой, как говорится, «земляки, увидев друг друга, наполняют глаза слезами», зародилась искра.

Ма Чуньхуа — женщина, окутанная ореолом тайны: двадцать лет назад, будучи беременной, она приехала в Шэньчжэнь и Гонконг, чтобы пробиться в жизни, и вскоре чудесным образом открыла небольшой ресторанчик с уникальной кухней; никто никогда не видел, как выглядит её муж, и тем более не знает, жив он или мёртв. Обычно она в одиночку управляла своим крошечным заведением, умилая и радуя непрерывный поток посетителей, а также отбивая ухаживания со стороны мужчин среднего и пожилого возраста, не давая никому воспользоваться своей уязвимостью — что явно свидетельствовало о её силе духа.

Однако скудное имущество Фан Дайе не позволяло Ма Чуньхуа связать с ним свою судьбу, и она поддерживала с ним лишь неясные отношения. А Фан Дайе, прожив в одиночестве более двадцати лет, был до безумия очарован этой кокетливой «подружкой»: чем больше она держала его в напряжении, тем сильнее он хотел завоевать сердце этой красавицы.

После окончания университета Фан Фэй, преодолев множество препятствий, устроилась на работу в отдел фиксированного дохода фонда «Тонгда» и, воспользовавшись самостоятельно обнаруженной возможностью, шаг за шагом продвигалась по карьерной лестнице. Её зарплата росла, и она не только вносила значительный вклад в семейный бюджет, но и взяла кредит на покупку новой квартиры, положив конец тягостной жизни старика Фан, который до этого теснился в тесном и мрачном помещении.

После того как Фан Фэй вышла замуж и переехала, эта квартира, оформленная на её имя и за которую она выплачивала ипотеку, естественным образом перешла к Фан Дае.

Лишь два года назад Ма Чуньхуа, в связи с планами районного правительства по сносу старого городского квартала, наконец решилась выйти замуж за Фан Дайе.

Почему?

Старый дом Фан Дайе, расположенный рядом с канализационным каналом и портящий вид, оказался в списке подлежащих сносу, причем его оценочная стоимость составляла 60 000 за квадратный метр, что в сумме давало 4 миллиона, и эта недвижимость принадлежала исключительно Фан Дайе!

Хотя у Ма Чуньхуа и были небольшие сбережения, она не купила квартиру; ресторанный бизнес с небольшими вложениями и мизерной прибылью становился всё более тяжёлым, и по мере того, как арендная плата за помещение стремительно росла, она наконец задумалась о том, чтобы уйти из этого дела.

Эта заманчивая компенсация за снос, покорный старик Фан и его способная дочь, зарабатывающая целые бочки денег, стали для неё гарантией того, что она сможет доверить Фан Даю вторую половину своей жизни.

Фан Фэй не испытывала особой симпатии к этой громкоголосой и вульгарной женщине, но понимала, что жизнь её отца действительно была нелегкой, поэтому ни одобряла, ни возражала против этого брака, а сосредоточилась исключительно на ведении собственного бизнеса и заботе о семье.

Как же Ма Чуньхуа могла пропустить такую возможность? Еще до того, как Фан Дайе вошел в дом, она заставила его взять у дочери деньги и взяться за небольшой подряд.

Но нынешние строительные проекты, если говорить прямо, сводятся к засыпке ям! На торгах соревнуются ценами, а после подписания контракта — авансированием средств; заказчик ведет себя как величественный господин, задерживающий платежи, а рабочим Фан Дайе нужно есть — к кому им еще обращаться за зарплатой, как не к дочери?

Накануне подготовки к зачатию, до того как ей позвонил он, Фан Фэй, следуя совету врача, делала оздоровительный массаж в спа-салоне.

Отношения между невесткой и свекровью, которые раньше были весьма нестабильными, наконец-то наладились, мужу Шэнь Юаню больше не приходилось застревать между ними в затруднительном положении, а её собственная карьера достигла пика — наконец-то можно было заняться подготовкой к беременности.

А «человек питает человека» — это, можно сказать, самая высокая стратегия оздоровления, которая ускоряет кровообращение, усиливает клеточное дыхание и движение, способствуя обмену веществ.

«Сестра, у тебя плечи такие напряжённые, наверное, на работе слишком много устаешь?» — массажистка умело разминала каждый сантиметр кожи на спине Фан Фэй; будучи бывшей сельскохозяйственной рабочей, она прикладывала немалое усилие.

Фан Фэй заметила, что, хотя в тусклом желтоватом свете массажистка выглядела зрелой, на самом деле ей, скорее всего, не было больше двадцати лет, и, улыбнувшись, спросила: «Да, у офисных работников всегда так. Сколько тебе лет?»

Как и ожидалось, раздался звонкий голосок девушки: «Мне восемнадцать. А сестра, чем ты занимаешься?»

«Работаю в финансовой сфере», — Фан Фэй, зная все эти рекламные уловки, ответила: «Сделай мне расширенный уход за телом с лавандой для крепкого сна, я хочу немного вздремнуть».

Девушка, увидев, что задача по продаже выполнена в мгновение ока, радостно ответила: «Тогда поспешите закрыть глаза и отдохните».

В окружении особого аромата растительных эфирных масел Фан Фэй в полудреме погрузилась в сон. Она как раз наслаждалась ощущением полного расслабления, словно паря в обла-

ках, когда её внезапно разбудили: «Сестра, ваш телефон всё время звонит, наверное, что-то срочное...»

Фан Фэй сначала подумала, что это что-то срочное из компании, но тут из трубки донесся крик о помощи: «Фэй-Фэй, дай папе ещё сто тысяч. Как только в следующем месяце получу деньги, обязательно верну тебе, с процентами!»

«Папа, мы же одна семья, зачем говорить о процентах! Но я ведь только что одолжила тебе несколько сотен тысяч, а теперь ты снова просишь денег — в сумме это уже почти миллион. Если рынок так плох, а ты не создан для бизнеса, то лучше просто закрой дело и наслаждайся жизнью дома».

«Как же так? Я не получаю деньги от заказчика, не могу оплатить материалы и зарплату рабочим. Если я закрою дело, где же мне взять столько денег, чтобы вернуть долги?»

«Хватит, опять эта песня. На этот раз я переведу тебе деньги, но больше не бери новых заказов!»

Фан Фэй была слишком уставшей, чтобы продолжать разговор, и быстро перевела деньги.

Через полгода, когда она начала проходить процедуру экстракорпорального оплодотворения, ей снова позвонил Фан Дайе с плачем в голосе: «Спаси папу! Скоро Новый год, рабочие и поставщики материалов заблокировали меня в доме. Денег, которые я вложил в прошлый раз, не хватило, одолжи ещё 3 миллиона. На этот раз я обязательно верну их в следующем месяце!»

«3 миллиона?! Вместе с предыдущими суммами это уже почти 4 миллиона! У меня действительно нет денег». В левой руке Фан Фэй была вставлена игла — в этот момент ей ставили капельницу.

«Фэйфэй, ты столько лет работаешь, теперь у тебя годовой доход составляет несколько миллионов, да и твоя свекровь занимается бизнесом — как это ты не можешь выделить такую сумму? Если ты не дашь, как я буду жить с переломанной ногой, которую мне сломали рабочие! С таким трудом женился на Чунхуа, а ей так и не удалось жить в достатке. Ой, спаси меня!»

Раздался громкий звук, словно разбилось стекло.

Фан Фэй, лежа на больничной койке, хотела выругаться, но в конце концов все же пожалела отца, однако на счете в мобильном банке у нее было всего 400 тысяч.

3 миллиона — где взять столько денег? Хотя старый дом и оценивается в такую сумму, это всего лишь бумажное богатство.

Вдруг у неё возникла гениальная идея: она вспомнила, как свекровь Чжан Юйлу хвасталась перед своей лучшей подругой тётёй Ся: «В последнее время все, кто играет на бирже, наверное, в убыток пошли, да? А посмотрите на мою невестку — она выбрала для меня самые надёжные корпоративные облигации, доходность которых в этом году превысила 9 процентных пунктов! Мои 2,7 миллиона скоро превратятся в 3 миллиона, ха-ха-ха-ха...»

Точно! В приложении «Тонда Бондс» есть облигационный фонд на сумму 2,7 миллиона, купленный от имени Чжан Юйлу, и через два месяца не придется платить комиссию за досрочный выкуп...

Постойте, если вывести деньги сейчас, придётся потерять годовую комиссию за выкуп — один процент, а это 27 тысяч, — да и отношения между свекровью и невесткой, которые с таким трудом наладились, могут снова развалиться.

Может, сначала посоветоваться с мужем Шэнь Юанем?

Но, хотя Фан Дайе и не создан для бизнеса, деньги от этой компании рано или поздно вернутся, если она не обанкротится. Какой смысл говорить об этом Шэнь Юаню? Он наверняка не одобрит, что я распоряжаюсь деньгами свекрови. Даже если он согласится, вдруг однажды он случайно проговорится — это наверняка вызовет новую бурю. Лучше дождаться возврата займа, доплатить немного процентов и покончить с этим делом. Ее и без того изматывали

работа и беременность, и она совершенно не хотела тратить драгоценное время на семейные сплетни.

Облигационный фонд «Тонда» переживает расцвет, и вскоре состоится масштабная продажа фонда на сумму 20 миллиардов. Если ничего не помешает, это станет её последним проектом перед декретом — делом первостепенной важности.

В этот момент Фан Дайе в трубке снова начал вопить: «Доченька, прошу тебя, спаси меня в последний раз! Я готов даже разложить постельное белье и ночевать в офисе заказчика, только бы вернуть деньги. Ой, меня только что чуть не разбили голову!»

В этот момент раздался гневный крик другого мужчины: «Если не дашь деньги, готовься забирать его труп!»

«Не пугай меня, я позвоню в полицию и скажу, что ты угрожаешь, и тебе за это не поздоровится. Быстрее верни телефон моему отцу!» — Фан Фэй хлопнула по подлокотнику больничного кресла и в ответ зарычала так грозно, что стоящая рядом медсестра вздрогнула.

В трубке наступила короткая пауза, а затем снова раздался робкий голос её отца: «Фэй-фэй... Они бездушные люди. Если я не получу деньги, боюсь, что не доживу до конца дня...»

«Папа, честно говоря, у меня действительно больше нет денег. На этот раз я одолжила у других только потому, что ты скоро умрёшь. Ты должен выписать мне расписку! В графе «кредитор» напиши «Чжан Юйлу» и принеси её мне в женско-детскую больницу. Это в последний раз. Как только в следующем месяце поступят деньги, ты сразу же вернёшь их мне, уволишь рабочих и закроешь дело!» Фан Фэй была так разъярённа, что чуть не разгрызла зубы, решив решительно пресечь любую попытку отца снова одолжить деньги.

Фан Дайе, однако, нерешительно отмахивался: «В такой праздничный день как Новый год говорить о смерти — это же так неприятно! Да и вообще, разве родная дочь должна выписывать расписку?»

«Тогда я вешаю трубку!»

Услышав в голосе дочери полное отчаяние, Фан Дайе испугался до глубины души: «Да, да, я сейчас же напишу! Я немедленно еду в больницу к тебе!»

«Деньги поступят на счет только завтра, сейчас ты принеси расписку, а завтра я переведу тебе деньги».

«А, завтра?!» Фан Дайе снова решил проверить, насколько далеко она готова зайти.

«Не надо — так и не надо!»

«Хочу, хочу, хочу! Пусть будет завтра! Вы все слышали — завтра моя дочка отдаст мне деньги! Если завтра она не отдаст, я — сын черепахи...»

Умоляющий голос на другом конце провода заставил Фан Фэй покраснеть. Повесив трубку, она подняла глаза и как раз увидела, что на телевизоре, висящем в палате, идет передача «Обсуждение акций и денег», где красивый и элегантный Шэнь Юань беседовал с очаровательной ведущей с большими глазами, У Цзин.

В душе Фан Фэй всплыла горькая ревность: женская интуиция подсказывала ей, что У Цзин заигрывает с её мужем.

В прекрасных глазах Шэнь Юаня, похожих на чёрные драгоценные камни, переливался блеск в зависимости от его настроения.

Несмотря на то, что на экране он сиял, Фан Фэй знала: он никогда не считал себя выдающимся человеком; напротив, из-за своего необычного детства и семьи он испытывал сильный комплекс неполноценности. Хотя он тщательно скрывал свои чувства, Фан Фэй всё равно знала об этом.

Ни один из них никогда не затрагивал эту тему: во-первых, они оба были слишком заняты; во-вторых, Фан Фэй считала, что им нужно сохранять определенное личное пространство — ведь даже у не были свои маленькие секреты.

Неожиданно, на второй неделе после получения займа Фан Фэй узнала, что тест на беременность положительный, и огромная радость мгновенно затмила все страдания, пережитые за 365 дней лечения.

Из-за этого она на две недели отложила проверку поступления денег: «Папа, почему ты до сих пор не вернул мне деньги?»

«Доченька, прости меня, меня обманули!» Голос на другом конце провода звучал так, будто старое дерево, поражённое молнией, дымилось, а в хриплости слышалось горькое трение.

«Что? Повтори ещё раз?» Фан Фэй почувствовала, как сердце яростно бьётся в груди, словно на неё с ревом несётся поезд, а перед глазами всё потемнело и стало пустым.

«Меня обманули! Заказчик — мошенник!»

«Что?» Фан Фэй подумала, что ослышалась.

«Я пошёл к ним за деньгами, а в офисе ни души не оказалось — все сбежали. Фэфэ, папа просит у тебя прощения!» — кричал Фан Дайе, бьё себя в грудь и топая ногами.

Фан Фэй, опираясь на стену, почувствовала приступы сердцебиения, сопровождавшиеся головокружением и тошнотой, и вдруг с криком «Вааа!» вырвала.

Крики Фан Дае, в которых он выкрикивал последними силами, доносились словно из далеких облаков: «В следующей жизни я буду рабом или лошадью, только бы отплатить тебе...»

Фан Фэй, покончив с рвотой, немного пришла в себя и решительно сказала: «Я позвоню в полицию!»

«В полицию?!» — плач Фан Дайе внезапно оборвался, и в его голосе прозвучала нотка страха.

Фан Фэй уловила эту едва уловимую перемену и удивлённо переспросила: «Такое серьёзное дело, а в полицию не позвонить?»

«Да ладно, они все нехорошие люди, пусть тебя не тронут!» — голос Фан Дае был немного робким.

Фан Фэй вспомнила те случаи, когда его преследовали должники, и поняла, что у него, вероятно, остались психологические травмы, поэтому сказала: «Я знаю, что ты боишься иметь с ними дело. Но как же вернуть эти 3 миллиона без помощи полиции?»

«Обратиться... обратиться...» — раздался голос отца, словно пробудившийся от сна.

Фан Фэй, хотя и металась, как муравей на раскалённой сковородке, поняла, что её отец знает детали лучше неё, и поспешила потащить его с собой в полицейский участок, чтобы подать заявление.

Принявший их офицер полиции Ван, услышав о немалой сумме, очень серьёзно и ответственно составил протокол. Фан Фэй от волнения почувствовала мурашки по коже, сердце забилось чаще, и её то и дело тошнило, а Фан Дайе сидел как бездушный бревно, отвечая только на прямые вопросы.

В конце концов отец и дочь поставили отпечатки пальцев на протоколе.

Перед уходом Фан Фэй не переставала умолять: «Пожалуйста, поскорее задержите преступника, ведь это же деньги, которые я одолжила у других, заработанные их кровным трудом!»

Офицер Ван сочувственно ответил: «Как только у нас появятся новости, мы сразу же вам сообщим. Пожалуйста, следите за звонками».

«Хорошо!» — ответила Фан Фэй, вся в поту от волнения, так что пряди волос на лбу прилипли к лицу.

Глава 3

Прошло всего две недели, как она из-за служебных обстоятельств оказалась вовлечена в ещё одно дело.

Машина отдела по борьбе с экономическими преступлениями въехала на парковку управления, а проходящие мимо полицейские спешили по своим делам. Фан Фэй невольно

вспомнила об обманутых 3 миллионах и задалась вопросом, как далеко продвинулось расследование офицера Ван из полицейского участка.

В окружении сопровождающих Фан Фэй вошла в небольшую белую комнату для переговоров и села на место, освещённое ярким светом.

Напротив, в ярком свете лицо Чжан Нин было размыто.

Он раскрыл блокнот и сказал: «Вы сейчас беременны, мы постараемся позаботиться о вашем здоровье. Пожалуйста, сначала выключите мобильный телефон...»

Фан Фэй не стала послушно выполнять просьбу, а отправила SMS, в котором кратко рассказала Вэйвэй о своей текущей ситуации, и только потом повернула телефон в сторону Чжан Нина и выключила его у него на глазах.

Глядя на экран телефона, постепенно гаснущий от яркого света, Чжан Нин понял, что перед ним нелегкая соперница.

Хотя «Тонда» и вышла на биржу, по сравнению с другими старыми компаниями-аналогами в стране её масштабы были самыми скромными. Однако по чистой прибыли от управленческих сборов в прошлом году она заняла первое место, а средняя заработная плата на одного сотрудника достигала 300 000 юаней, что более чем в два раза превышало показатели других компаний-аналогов.

Фан Фэй была одной из тех, кто стоял за кулисами и способствовал стремительному развитию фонда «Тонда».

С тех пор как она одной рукой взяла под контроль расходы и затраты, а другой — решительно сократила бездеятельных бюрократов, занимающих должности без дела, доля рядовых сотрудников в отделе фиксированного дохода возросла, а промежуточные звенья управления были значительно сокращены, что позволило не только уменьшить ненужные затраты на заработную плату, но и повысить эффективность.

Подобно тому, как расцветший лотос кристально прозрачен, но его корни скрыты в иле.

В прозрачной финансовой системе также существуют гнилые безнадежные долги и грязные преступления: вытаскивая репу, вытаскиваешь и грязь — и именно это привело к появлению этой известной сильной женщины.

Сколько же у неё проблем?

Кто же на самом деле является ключевой фигурой в деле «Тонда», связанном с средствами на сумму в сотни миллионов?

Каким образом удастся вытянуть из неё правдивую и достоверную информацию?

Для Чжан Нина это было нелегким испытанием. Но следующая сцена поразила его до глубины души.

Фан Фэй глубоко вздохнула, откинула рукой прядь волос, спадающую на глаз, и мягко сказала: «Я шаг за шагом прошла путь от рядовой помощницы до генерального директора и всегда очень берегла свою репутацию. Добрый человек не стоит под обрушивающейся стеной — спрашивайте меня обо всём, что хотите».

Увидев, что она готова говорить откровенно, Чжан Нин перешёл сразу к делу: «Ты помнишь дело о коррупции, связанное с облигациями класса С компании «Тонгда», которое произошло пять лет назад?»

Фан Фэй тихонько «о» и спокойно ответила: «Вы имеете в виду вопрос о незаконном обогащении клиентов категории С?»

Услышав это, Чжан Нин наклонился вперёд, и его черты лица постепенно стали отчётливее в глазах Фан Фэй.

Фан Фэй почувствовала, что к ней относятся с должным уважением, и стала прямо объяснять: «В махинациях с облигациями категории С есть два вида. Первый — это спекулянты: при продаже облигаций агентство-продавец сначала повышает процентную ставку, занижая

цену облигаций, продает их клиентам категории С, а затем перепродает клиентам категорий А или В».

Чжан Нин прошел профессиональную подготовку и уже был знаком с этим.

Так называемые клиенты категории С — это первичные депозитарные счета, открытые в Центральной расчетной компании от имени доверителя институциональным инвестором, который поручил владельцу счета категории А выступать в качестве расчетного агента.

Счета категории С не могут осуществлять торговлю через сеть Центральной системы комплексного обслуживания облигаций и обязаны проводить сделки через расчетного агента.

Однако Центральная клиринговая компания не несет ответственности за контроль над расчетными агентами, в результате чего некоторые правонарушители смогли ускользнуть от контроля системы торговли облигациями и создать финансовую «темную сеть», временно ускользающую от правового преследования.

Услышав это, Чжан Нин скромно поинтересовался: «А что насчёт спекулянтов?»

Фан Фэй, в глазах которой сверкали огоньки, продолжила объяснять: «Это похоже на „мышинные счета“ на фондовом рынке: когда организация хочет купить облигации, она сначала переводит их на контролируемые ею счета категории С, а затем передает их счетам, получающим выгоду. Разница в цене и составляет прибыль».

Чжан Нин ждал, когда она раскроет ещё больше инсайдерской информации, но заметил, что Фан Фэй, похоже, почувствовала жажду и дважды сухо кашлянула. Тогда он вспомнил, что она беременна, и попросил полицейскую принести ей стакан тёплой воды.

Фан Фэй взяла стакан, тихо поблагодарила, сделала два небольших глотка, чтобы увлажнить горло, и продолжила: «Пять лет назад я была всего лишь младшим руководителем и ещё не имела полномочий управлять счетами категории С, но у меня есть важная зацепка, которая должна помочь мне обрести свободу».

Чжан Нин, которому сначала казалось, что она идет на сотрудничество, вдруг почувствовал, будто ему в спину вонзили шип: оказывается, всё это было лишь прикрытием, чтобы выпутаться из ситуации.

Он удивлённо приподнял брови и, сдерживая гнев, спросил: «Ты что, до сих пор здесь выдвигаешь условия?»

Фан Фэй не испугалась, с удовольствием скрестила пальцы и в свою очередь спросила: «А почему бы и нет? Я добровольно пришла сюда, чтобы содействовать расследованию, и уже понесла ущерб своей репутации. Я не хочу оказаться в такой же ситуации, как руководитель фонда «Юаньшэн» в прошлом месяце: он пропал без вести почти на полмесяца, о нём в прессе писали в самых неприглядных тонах, и даже после освобождения его личный имидж сильно пострадал».

Её слова задели Чжан Нина. Действительно, даже если подозреваемый, в отношении которого проводилось расследование, доказал свою невиновность, вернувшись в прежнюю среду, он всё равно сталкивается с холодным отношением и отчуждением со стороны окружающих. Кроме того, он считал, что цель расследования — установление истины, и если он сможет вести дело более гуманно, это станет своего рода защитой для невиновных.

Вопрос в том, к какому лагерю принадлежит эта женщина: к добру или к злу?

Фан Фэй откинулась на спинку стула, снимая напряжение с поясницы, а её гладкие, изящные пальцы, словно при игре на фортепиано, ловко скользили по белоснежной поверхности стола.

«К тому же я могу гарантировать, что предоставленные мной материалы будут гораздо более точными, чем анонимные заявления. Когда я вернусь, у меня будет достаточно полномочий, чтобы собрать больше информации и помочь тебе». Её глаза в форме «данфэн» по-прежнему сияли спокойствием.

«Почему я должен тебе верить?» — Чжан Нин взвешивал в руках несколько оставшихся карт и хладнокровно смотрел ей в глаза.

Даже самый хитрый преступник не сможет ускользнуть от его холодного, рентгеновского взгляда: глаза — зеркало души, и при длительном пристальном взгляде даже малейшая тень вины обязательно проявится.

Фан Фэй тоже смотрела ему прямо в глаза, и её взгляд был горяч, как палящее солнце.

Она выпрямила спину, сжала кулаки и решительно заявила: «Очень просто — потому что я должна защитить себя! Ты когда-нибудь испытывал то чувство, когда ради работы, ради признания общества, ты готов поставить на карту свою жизнь и достоинство, вкладывая в неё всё своё время и силы? Для обычного человека работа, возможно, — просто средство к существованию, но для меня она — практически вся моя жизнь! Я не позволю, чтобы моя репутация была запятнана».

Чжан Нин был потрясён — это был первый раз, когда он слышал, как женщина с такой серьёзностью и упорством признавалась в своей любви к делу.

Ни один из допрашиваемых до сих пор не мог так открыто и искренне рассказать о своих чувствах к работе.

Главное, что он понимал.

Если бы он сам не любил своё дело так же горячо, как она, разве мог бы он столько раз упускать возможность провести Новый год и Праздник Весны с семьёй, часто не доедая даже полноценного обеда, в любой момент бросая всё, что делал, и мчась в погоню за правдой?

По-настоящему любить свое дело — значит сжигать не только жизнь, но и душу.

Зачастую даже самые близкие родственники не могут понять эту безумную настойчивость.

Только в этот момент Чжан Нин почувствовала, что она понимает.

Закончив говорить, в глазах Фан Фэй заиграл мягкий блеск. Она слегка приложила руку к животу и трогательным голосом сказала: «Кроме того, я не хочу, чтобы это повлияло на здоровое развитие моего малыша. Я не только хочу уйти с чистой совестью, но и защитить своего ребенка от всякого вреда».

Чжан Нин наконец решил временно поверить ей. Он отложил ручку и сказал: «Поскольку речь идет о крупных суммах задолженности и большом количестве транзакций, проверка займет некоторое время. Мне нужно сначала доложить начальству, пожалуйста, подождите».

После того как он ушёл, Фан Фэй с усталостью закрыла глаза: столько слов она только что произнесла, да ещё и обдумала план на будущее — это отняло у неё слишком много сил. Но даже несмотря на то, что она была уже совершенно измотана, а внизу живота ощущалась ноющая боль, она ни за что не могла отступить.

Полчаса показались ей целым полугодием, и наконец она увидела, как Чжан Нин с облегчением на лице вошёл в комнату.

«Теперь вы можете предоставить информацию. Как только закончите, сегодня вечером вы сможете пойти домой и отдохнуть. Вернее, в те вечера, когда вы не участвуете в допросах, вы сможете возвращаться домой и отдыхать. Это особое послабление, предоставляемое вам в связи с беременностью. Что касается того, когда вы сможете вернуться на работу, то это будет зависеть от вашей готовности сотрудничать. После возвращения это будет ваше свободное время. Звонить, писать сообщения или заниматься чем угодно — решать вам».

Чжан Нин, конечно же, не стала объявлять: чтобы предотвратить любые непредвиденные обстоятельства, её номер мобильного телефона уже находится под наблюдением.

Фан Фэй слегка улыбнулась — такое обращение уже было довольно неплохим.

«Хорошо, я расскажу».

Фан Фэй перечислила пять известных ей внутренних облигаций класса С с наибольшей номинальной стоимостью; она говорила почти два часа, словно превратившись из подозревае-

мой в информатора. Однако одних слов недостаточно: пока не будут представлены неопровержимые доказательства, Фан Фэй по-прежнему придётся терпеть лишения, связанные с содержанием под стражей. Полиция не только намеревалась действовать по наведенным зацепкам, чтобы найти доказательства, подтверждающие слова Фан Фэй, но и надеялась, что она сама приступит к сбору доказательств. Именно это имел в виду Чжан Нин, говоря о «сотрудничестве». На самом деле Чжан Нину не нужно было специально подчеркивать это ещё раз — Фан Фэй была умной женщиной и прекрасно понимала, чего от неё хотела полиция.

После перезагрузки телефона первым пришло сообщение от Шэнь Юаня: «Я приеду за тобой в компанию. Вэйвэй сказала, что тебя забрали из отдела по борьбе с экономическими преступлениями?»

Посмотрев на время, она увидела, что было шесть часов. Он позвонил ей только один раз — неизвестно, потому что услышал объяснения Вэйвэй или из-за безразличия после «измены».

Взгляд Фан Фэй остановился на бриллиантовом кольце в два карата на безымянном пальце, и ей показалось, будто в ушах звучат его обещания со дня свадьбы: «Я буду любить тебя и защищать тебя всю жизнь, и никогда не предаю тебя».

Клятва всё ещё звучала в её ушах, но она чувствовала себя так, будто оказалась в застрявшем на мели «Титанике», медленно тонущем в ледяном море; глядя на воду, хлынувшую в трюм, она испытывала одиночество, пустоту и отчаяние.

С тех пор как она забеременела, Шэнь Юань перестал проявлять к ней нежность в постели. Раньше он таким не был.

Фан Фэй до сих пор помнит тот первый раз в люксе отеля «Шангри-Ла» на берегу моря, когда Шэнь Юань, придавая всему обстановке торжественность, усыпал персидский ковер яркими лепестками роз и, обнимая её, шаг за шагом вел к большой круглой ванне. Он нежно целовал её нежную кожу и, через многократные прикосновения и взаимные открытия, помог ей превратиться из девочки в женщину.

Это наслаждение, в котором они сливались воедино, было таким же насыщенным, как ароматный эликсир. Хотя для неё это был первый раз, она с уверенностью считала, что обладает очарованием, от которого Шен Юань не сможет оторваться. Главное, что она не придавала большого значения месту любви в своей жизни, ведь самое страшное — это отсутствие денег.

Попробовав вкус запретного плода, они очень ценили каждое их страстное слияние.

Шин Ён всегда любил крепко сжимать её руки в своих и с двойным смыслом шептал ей на ухо: «Как бы я хотел оставаться с тобой так навсегда».

Однако с тех пор, как она забеременела, Шин Ён утратил тот жгучий порыв, который раньше связывал их, и часто сидел один в кабинете, глядя в iPad, иногда не выходя оттуда целую ночь.

Внимательная Фан Фэй однажды обнаружила в корзине для мусора в кабинете скомканные остатки подозрительных бумажных салфеток. Тогда она с трогательностью подумала, что его терпение объясняется заботой о плоде, но теперь, судя по всему, причиной, скорее всего, стало то, что у него появилась любовница.

Неужели Шэнь Юань опасался, что прямой разрыв с ней сильно подорвет его репутацию, и поэтому донёс на неё, чтобы её сначала забрали полицейские, а когда она выйдет, то под натиском общественного мнения сама по себе исчезнет?

Когда же ей удастся избавиться от всех этих неприятностей? Фан Фэй была в отчаянии.

Только тогда у неё появится больше времени и сил, чтобы продвинуть запуск фонда облигаций на сумму 20 миллиардов, который скоро выпустит отдел фиксированного дохода, и только тогда она сможет вернуть, а может, даже заработать 3 миллиона, которые задолжала свекрови! Все эти препятствия, одно за другим, словно тяжелые оковы, окружали её со всех сторон.

Она сделала несколько глубоких вдохов и позвонила мужу: «Меня только что отвезли домой из отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Где ты?»

«Я не могу найти место для парковки, поэтому кружу по округе возле твоей компании. Ладно, я сейчас еду домой». В его ровном дыхании слышалась легкая тревога.

Если бы Фан Фэй не видела ту откровенную фотографию, она бы действительно считала его хорошим мужем, но теперь её отношение изменилось, и доверия к нему стало меньше. Она ждала у парковочного места в жилом комплексе, когда появится тот тёмно-синий «Мерседес».

Шэнь Юань, увидев стоящую у дороги жену, опустил стекло и удивлённо спросил: «Почему ты не ждала меня дома? С тобой всё в порядке?»

Фан Фэй бросила взгляд на заднее сиденье и почувствовала, что расстояние между сиденьями увеличилось, как будто там кто-то сидел, и сказала: «Я вспомнила, что в твоей машине осталась одна вещь, пошли, я посмотрю».

Открыв дверь и сев в машину, она убедилась, что её предчувствие не обмануло: на этом месте, несомненно, сидела девушка с длинными ногами, потому что в воздухе ещё витал едва уловимый аромат.

Хотя сердце у неё сжалось от боли, она всё же, делая вид, что ничего не произошло, стала рыться в ящиках и в конце концов достала из переднего бардачка солнцезащитные очки Gucci, небрежно сказав: «Нашла. А Ли сидел в этой машине?»

Сяо Ли — коллега Шэнь Юаня по работе, и Шэнь Юань иногда подвозит его.

«Нет!» — без раздумий ответил Шэнь Юань. Он думал, что жена выглядит несколько измождённой из-за сильного психологического давления и тошноты во время беременности. Через секунду его лоб внезапно слегка посинел. Это была его привычная реакция на испуг.

Фан Фэй почувствовала острую боль, исходящую из глубины виска, и невольно поднесла руку, чтобы помассировать его.

«Поскорее пойдем домой. Я уже попросил тетю накрыть на стол», — Шэнь Юань, казалось, пытался что-то скрыть.

Фан Фэй ответила: «Я сегодня очень устала, чувствую себя не очень хорошо, да и завтра утром меня должны забрать в управление на допрос».

«Что же случилось? Я просматривал отчёты вашей компании — там же нет никаких серьёзных проблем?» Шэнь Юань, бывший аналитик по ценным бумагам, заговорил о финансовых отчётах «Тонда» — это была его профессиональная привычка.

Фан Фэй почувствовала, что его взгляд заблестел, и, притворившись слабой, сказала: «Говорят, что кто-то подал жалобу по поводу новых проблем, связанных со старым делом 2014 года. Ты помнишь? В том году я только что стала руководителем».

«Помню, ты поднималась по карьерной лестнице быстрее, чем летит ракета. Я даже пригласил тебя тогда на ужин, чтобы отпраздновать это событие».

Глава 4

От момента поступления в компанию до повышения до руководителя, а затем до менеджера у Фан Фэй ушло менее двух лет — настоящее чудо для человека без связей и без опыта обучения за границей. А познакомились они именно на групповом собеседовании в «Тонда Групп».

«Дети из Шэньчжэня» делятся на два типа. Одни занимаются умственным трудом: они начинают с обучения в финансово-торговых курсах, которые называют «Военной академией Хуанпу» Шэньчжэня и Гонконга, постепенно продвигаются в руководство компаний и даже открывают собственное дело, завоевывая новые рынки. Другой тип — это потомки строительных рабочих, как она сама, без связей, находящиеся на нижних ступенях социальной лестницы и борющиеся за ресурсы наравне с приезжими мигрантами; если они не изменят свою судьбу с помощью обучения и работы, то, возможно, всю жизнь останутся «бедными второго поколения».

Шэнь Юань происходил из богатой семьи и искренне заботился о ней. Однако Фан Фэй, только что пришедшая в отдел облигаций и работавшая рядовой сотрудницей под началом Линь Чэнь, отвергла его. Она без стеснения рассказала ему о своём бедном и нищем происхождении и чётко дала понять, что хочет только хорошо работать, хорошо зарабатывать, чтобы прокормить себя и не быть обузой для семьи.

Шэнь Юань уважал её мнение и, пойдя на компромисс, стал её близким другом-мужчиной. Он не только обращался к ней за советом по поводу различных проблем на работе, но и внимательно следил за её радостями и печалью, снова и снова приглашая её на встречи, чтобы вместе насладиться изысканными блюдами.

Чтобы завоевать сердце мужчины, сначала нужно покорить его желудок. Шэнь Юань считал, что этот принцип в равной степени применим и к «Фан Фэй». Ведь она же была настоящей гурманкой, которая зимой пряталась под одеялом, но при одном упоминании о свежих и аппетитных блюдах с радостью вылезала из постели. Ведь именно за столом у нее появлялось время открыться ему, и они переходили от разговоров о работе к учебе, а от учебы — к семье.

Ещё больше Шэнь Юань нравится то, как она ест — это выглядит так аппетитно и мило!

Когда она ест хотпо, ей нравится сначала набирать говяжьи фрикадельки половником в миску, а потом протыкать их одной палочкой, как будто это леденец. Прищурив глаза и с выражением полного восторга на лице, она макает их в соус и, продолжая есть, тихо говорит мелодичным голосом: «Ммм, вкусно. М-м-м, как ароматно! М-м-м, давай, попробуй скорее!»

Однажды, во время утреннего чаепития в гонконгском стиле, она обнаружила, что креветочные пельмени немного горячие, и, положив их между двумя палочками, чтобы они остыли, сказала, что это маленькая пароварка. Наконец, когда пельмени с креветками остыли до нормальной температуры, она быстро раскрыла рот и одним «а-у» засунула огромный пельмень в рот; щеки у неё надулись, как воздушные шарик, и она стала очень похожа на Пону, дочь морского бога из мультфильма «Пону на утесе».

Шэнь Юань с любопытством спросил её: «Ты так же ешь в столовой компании? Если тебя увидят начальники, это не повлияет на твою карьеру?»

Фан Фэй бросила на него презрительный взгляд и решительно ответила: «Чепуха! В общественном месте я, конечно, так не ем!»

Шэнь Юань обиженно подумал: разве здесь не общественное место?

В очередной раз, пока они ждали, когда принесут лапшу «даньдань», Фан Фэй вдруг радостно сказала Шэнь Юаню: «Похоже, меня скоро повысят!»

Шэнь Юань удивлённо спросил: «Не может быть! Ты работаешь в компании ещё не восемь месяцев, как это может произойти так быстро? Я слышал, что этот менеджер Ли не слишком честный человек».

«Ты прав! И за это я действительно должна поблагодарить этого бездельника, который любит сваливать вину на подчинённых!»

Оказалось, что тогдашний генеральный директор Фэн Чу был очень требовательным руководителем, уделявшим особое внимание деталям и предъявлявшим крайне высокие требования к отчетам и докладам — как к содержанию, так и к форме их представления. Еще в начале реформ 80-х годов, благодаря отличным результатам самообучения, он был направлен государством на обучение в зарубежные вузы по специальности «финансы», а затем, когда в Шэньчжэне и Гонконге остро не хватало финансовых специалистов, стал пионером, который шаг за шагом расширял деятельность группы «Тонда» в сфере финансовых деривативов и развивал бизнес по фиксированному доходу. Поскольку он относился к работе очень серьезно, часто ходил с суровым выражением лица и, ругая подчиненных, ничуть не щадил их чувств, сотрудники за спиной прозвали его «Хладнокровным убийцей».

Линь Чэнь знала, что, если она настроит против себя «Убийцу», ей придётся несладко, поэтому каждый раз просила подчинённых подавать отчёты от её имени.

Детали данных или документов, подготовленных обычными сотрудниками, конечно же, не могли привлечь внимания Фэн Чу, и Линь Чэнь возлагала ответственность на тех, кто сдавал документы. В результате все, кто из окружения Линь Чэнь обладал хоть капелькой сообразительности или был вспыльчивым, либо уходили в поисках лучшей работы, либо уходили из-за раздражения.

Обычные сотрудники просто выполняют поручения, стремясь получить зарплату, соразмерную своим усилиям, и считают, что «почти» — это достаточно. Но Фан Фэй была не из их числа: с детства она отличалась ясным мышлением и тщательностью в работе.

Еще на третьем курсе университета она в свободное время самостоятельно освоила Excel и базы данных, заложив прочную основу для своей нынешней работы с отчетами и данными.

Более того, у неё есть ещё одна особенность: она особенно любит вникать в намерения руководства и делает всё возможное, чтобы отчёты и данные были понятны с первого взгляда. Даже если не удаётся сделать их максимально лаконичными, она тщательно добавляет примечания, чтобы помочь руководству разобраться.

Чтобы отчеты производили ожидаемое руководством впечатление, она даже готова отходить от общепринятых норм.

Вначале отчеты и доклады, которые она принимала от Линь Чэнь, были практически одинаковыми, и у неё было мало возможностей проявить творческий подход.

Позже однажды Линь Чэнь, нахмурившись, сказал Фан Фэй, что ей нужен сравнительный отчет о продажах фондов корпоративных облигаций и фондов зарубежных облигаций аналогичных компаний.

Поскольку данные было трудно найти, а перевод текста занимал много времени, Линь Чэнь просто указала Фан Фэй общее направление работы, хотя в душе уже была готова выдерживать шквал критики со стороны Фэн Чу.

Но для Фан Фэй это не представляло никакой проблемы.

Она и так часто заглядывала на зарубежные сайты в поисках информации о финансовой отрасли, у неё под рукой было свыше сотни шаблонов для отраслевых сравнений, и выбрать любой из них в качестве основы для отчёта не составляло труда — самое сложное было лишь в анализе. Но Фан Фэй, занявшая первое место в университете как по оценке дипломной работы, так и по результатам защиты, уже давно обладала способностью к самостоятельному мышлению, превосходящей обычных людей.

Получив этот отчет, Фэн Чу почувствовал, как у него перед глазами словно засияло. Он пролистал несколько отчетов, ранее полученных от отдела Линь Чэна: все они были выполнены по всем правилам, к ним нельзя было придраться, но из-за своей шаблонности не выделялись ничем особенным.

А этот отчёт, сочетающий в себе результаты исследования и высокую степень творческого подхода, был не только эстетичным, но и лаконичным; его автор словно обладал даром чтения мыслей, поскольку предоставленная информация полностью соответствовала его ожиданиям. Такому таланту следует оказать ещё большее поощрение — посмотрим, каких высот этот человек сможет достичь в будущем.

Фэн Чу вызвал Линь Чэнь в свой кабинет и лично спросил её, кто именно подготовил этот отчёт.

«Хорошо получилось или нет?» — осторожно спросила Линь Чэнь.

Фэн Чу, конечно же, знал её характер, поэтому намеренно нахмурился и мрачно спросил: «А как ты думаешь?»

Линь Чэнь уже подготовилась к худшему и поспешила свалить вину на других: «Это сделал Фан, выпускник университета, который работает в нашем отделе меньше года. У этих неопытных ребят дела всегда выходят не так, как надо...»

«Хорошо, я поняла».

На лице Фэн Чу мелькнуло легкое удивление: проработав на работе менее года, она сумела перехитрить стоявшего перед ней опытного профессионала.

Помахав рукой, чтобы Линь Чэнь ушёл, Фэн Чу сразу же позвонил в отдел кадров: «Как зовут ту сотрудницу Линь Чэня по фамилии Фан?»

«Отвечаю, господин Фэн, её зовут Фан Фэй...»

На звонок ответила Чжао Лин из отдела кадров, проработавшая в компании два года и являвшаяся соседкой по комнате Фан Фэй.

Услышав голос «холоднокровного убийцы», её первой реакцией было: неужели Фан Фэй «заставят» уволиться?

Фэн Чу, на удивление, с одобрением сказал: «Включите её в список резервных кадров. Когда в отделе фиксированного дохода появится вакансия руководителя, повысьте её первой».

Фан Фэй узнала от Чжао Лин, что её покровителем оказался тот самый «Хладнокровный убийца» из легенд.

Она была крайне удивлена: не ожидала, что в «Тонда», где царит строгая иерархия и большое значение придается происхождению, найдётся человек, который, не следуя стереотипам, продвигает на должности простых сотрудников. В тот момент она невольно почувствовала глубокое уважение к Фэн Чу, оказавшему ей доверие.

С тех пор она стала ещё более усердно относиться к своей работе, готовая каждый день, кроме еды и сна, думать только о том, как максимально увеличить прибыль компании. В то же время она ждала следующего шанса — шанса, который позволил бы ей взлететь и сотворить чудо.

Услышав это, Шэнь Юань поспешно сказал: «Если тебя повысят, сразу дай мне знать — я угощу тебя ужином в «Синьюэ»!»

«„Син Юэ“ — тот самый знаменитый французский ресторан с тремя звёздами Мишлен, в который так трудно попасть?» — восторженно воскликнула Фан Фэй, отложив палочки, а её глаза засияли.

Шэнь Юань принял решение: когда наступит тот день, он под предлогом празднования снова признается ей в любви. Ведь после столь долгого созревания его чувств по её нежному взгляду было видно, что, по крайней мере, она к нему не испытывает неприязни.

Прошло более двух месяцев, и Фан Фэй официально получила повышение — день празднования (и признания) наконец настал. Шэнь Юань, взяв с собой Шардоне «Шацборе» (отборное сладкое белое вино), купленное пять лет назад в Мозеле, прибыл в ресторан, где заранее забронировал столик, на два часа раньше.

В полседьмого, все ещё в чёрном служебном костюме и с галстуком-платочком, Фан Фэй прибыла, как и было договорено, — словно лотос, выплывший из воды.

Шэнь Юань особенно любил смотреть на неё в таком наряде. Хотя это была стандартная униформа стоимостью всего около ста юаней, она, надетая на неё, приобретала интеллектуальный и благородный вид.

При тусклом свете свечей ужин уровня «мишлен» казался сокровищем, спрятанным в меню, которое они поочередно «раскапывали», указывая на блюда указательными пальцами.

Официант извинился перед ними: «Простите, но чтобы гарантировать свежесть ингредиентов, наши запеченные улитки готовятся прямо на глазах у гостей, а с учётом времени на запекание это займёт примерно тридцать пять минут».

«Ничего страшного, мы пришли сюда именно за фирменным блюдом, я подожду сколько угодно!»

В этот момент мобильный телефон Фан Фэй раздражающе зазвонил. Линь Чэнь сообщил, что получил срочное письмо, в котором её просили в течение часа подготовить аналитический отчёт по облигационному фонду за этот квартал. К счастью, сегодня Фан Фэй после работы

даже не зашла домой, а сразу пришла в ресторан. Она открыла ноутбук, который всегда носила с собой, — в нём хранились всевозможные полезные данные и часто используемые отчёты.

Шэнь Юань не отрывал от неё взгляда: эта увлечённая женщина излучала соблазнительное очарование, словно сияющая богиня. Её увлечённый и сосредоточенный взгляд, то, как она, подперв подбородок рукой, погружалась в раздумья, — всё это свидетельствовало о деловой хватке элитной бизнес-леди.

Фан Фэй спокойно и не торопясь привела данные в порядок и завершила анализ.

В этот момент официант в смокинге подал на стол запеченных в масле и чесноке улиток.

Её глаза заблестели, она поспешно отложила ноутбук в сторону, и на её лице появилась игривая улыбка.

Она подула на горячее мясо улитки на кончике вилки и, не терпясь, откусила кусочек, а затем, посмотрев на спиралеобразное белое мясо, спросила: «Не похоже ли это на леденцы?»

Шэнь Юань, видя, как она с удовольствием ест, переложил ей свою половину.

Насытившись, Фан Фэй велела убрать со стола, а затем, потягивая белое вино, открыла крышку ноутбука и ещё раз проверила отчёт.

Всего за пятьдесят пять минут она отправила документ. Закончив с этим, она радостно подняла ложку и приступила к красному клубничному пудингу.

Если бы Шэнь Юань не видел этого собственными глазами, ему было бы трудно представить, что одно и то же изящное и холодное лицо может с такой легкостью переключаться между образами городской красавицы и лакомки.

«Фан Фэй, на самом деле, сегодня я хочу тебе кое-что сказать!» — закончив фразу, Шэнь Юань снова наполнил бокал вином.

— В чём дело? — Фан Фэй, наевшись досыта, была в отличном настроении. Слегка подвыпившая, она расслабленно улыбалась.

Тысячи слов нахлынули на Шэнь Юаня, но как же начать? «Будешь моей девушкой?» — слишком банально! «Ты мне нравишься?» — об этом я уже говорил в прошлый раз. Как же покорить её сердце?

Шэнь Юаню пришла в голову отличная идея, и он многозначительно спросил: «Могу я приглашать тебя на ужин до конца твоей жизни?»

«Я часто работаю сверхурочно!» — сказала Фан Фэй, серьезно глядя на него, а её глаза блестели.

«Я с удовольствием буду ждать, пока ты закончишь работу!»

После стольких совместных ужинов она уже не испытывала отторжения и не беспокоилась о разнице в материальном положении между ними. Что плохого в том, чтобы всю жизнь обедать с этим мужчиной, который радуется глаз своей внешностью, теплым сердцем и всегда с улыбкой проводит с ней время?

«Если тебя не смущает, что я трудоголик, то я согласна!»

Даже влюбившись по уши, Фан Фэй по-прежнему сохраняла ясность ума. Любовь ни в коем случае не повлияет на её карьеру.

«Конечно, я люблю тебя такой, какая ты есть! Мне нравится смотреть, как ты усердно работаешь! Я люблю тебя». Шэнь Юань завороченно смотрел на неё, чувствуя, как его сердце почти тает.

В тот момент ни один из них и не подозревал, что самое большое препятствие на их пути к любви окажется именно Чжан Юйлу. А Шэнь Юань, который всегда беспрекословно подчинялся матери, неожиданно решил стать непослушным сыном и жениться на талантливой и красивой Фан Фэй. Конечно, об этом поговорим позже.

Глава 5

Когда Линь Чэнь готовилась родить второго ребёнка, Фан Фэй стала исполняющей обязанности менеджера.

Впервые она приняла участие в совещании руководителей отдела фиксированного дохода, которое проводилось каждые две недели под руководством Фэн Чу.

Цель этого совещания заключалась в том, чтобы отделы отчитались о проделанной работе, кратко объяснили разницу между текущими данными и данными за предыдущие две недели, а также сообщили о ходе выполнения рабочих показателей; за пять минут до окончания встречи Фэн Чу спрашивал всех, есть ли у них предложения по улучшению работы отдела фиксированного дохода.

Обычно менеджеры просто высказывали какие-нибудь небольшие идеи по командообразованию или маркетингу, все смеялись, и собрание заканчивалось.

Цвейг в книге «Когда сияли звезды человечества» писал: «Для посредственного человека ухватиться за шанс и стремительно подняться по карьерной лестнице — это большая редкость. Ведь великое дело выпадает на долю незначительной личности лишь на мгновение. Кто упустил этот момент, тому он больше никогда не будет дарован».

Разница между обычным человеком и великим человеком заключается также в том, что обычный человек никогда не воспримет эти пять минут славы как свой шанс и тем более не станет готовиться к ним заранее.

За пять минут до окончания заседания Фэн Чу, следуя традиции, спрашивал всех: «Прежде чем разойтись, есть ли у кого-нибудь что-нибудь сказать?»

Несмотря на то что каждый раз он слышал одни и те же ответы, он всё же не терял надежды.

Несколько присутствующих менеджеров с мешками под глазами, чтобы не поставить «убийцу» в неловкое положение, улыбнулись и обменялись несколькими бессодержательными фразами.

В этот момент Фан Фэй внезапно встала и звонким голосом сказала: «Я хотела бы выдвинуть предложение о внедрении секьюритизации автокредитов. Внутренние финансовые правила только что смягчили требования к секьюритизации автокредитов, но в отрасли практически нет организаций, которые бы действительно приступили к этому; напротив, за рубежом такая форма облигаций уже очень распространена. Почему бы нам не объединить автокредиты в пакеты облигаций, не преобразовать в активы портфели частных, корпоративных и дилерских автокредитов?»

В этот момент в зале воцарилась полная тишина.

Еще одна фраза Цвейга как нельзя лучше раскрыла секрет того, почему Фан Фэй выделилась уже на первом же заседании: ведь «судьба всегда идет навстречу сильным и решительным личностям и тем, кто не признает над собой никого».

Столько опытных профессионалов даже не могли представить, что однажды действительно найдётся человек, который выскажет конструктивное предложение, о котором никто из них не думал и которое выходит за рамки их активного понимания.

На некоторых лицах даже промелькнуло раздражение — разве это не дезорганизация?

Выполнив свои рабочие обязанности, пора завершать собрание.

Если в будущем мы будем сталкиваться с такими людьми, разве нам не придётся несладко?

Фан Фэй смело посмотрела в глаза Фэн Чу. Одна минута на трибуне стоила ей немало сил и времени. Это тоже было заданием, к которому она готовилась уже давно, и она хотела только сказать этому «познавателю талантов»: он ни в коем случае не ошибся в своём выборе.

«Продолжайте», — и лицо Фэн Чу, обычно бесстрастное, неожиданно смягчилось.

На глазах у участников произошла сцена, вызвавшая у них чувство стыда и даже страха.

Фан Фэй подключила кабель для проецирования к своему ноутбуку, и в мгновение ока на белой стене конференц-зала появилась прекрасно оформленная презентация.

Разве это просто высказывание мнения? Это же целый комплексный план!

Некоторые уже сидели как на иголках, а другие скрежетали зубами.

Фан Фэй нарушила одно из главных табу в профессиональной среде, которое легко нарушить обычному человеку, и теперь неизбежно станет мишенью для всех.

В дальнейшем эти «старожилы», которых она затмила, будут изо всех сил следить за каждым её шагом, пытаясь сбить её с ног с неожиданной стороны.

Фан Фэй была полностью поглощена этой «пресс-конференцией», не обращая внимания на мысли окружающих. Ведь она считала, что то, как на неё смотрят другие, не имеет никакого отношения к развитию компании.

Она, опираясь на факты, указывала на фотографии на экране и объясняла: «Автомобильный концерн „Чжан“ базируется в Шэньчжэне, Гонконге и на острове Юэ, является крупнейшей автомобильной компанией в Шэньчжэне и Гонконге и котируется на биржах Шэньчжэня и Гонконга. Суммы их кредитов на покупку личных автомобилей невелики и разрознены, они тесно связаны с потребительскими расходами населения и, как правило, погашаются ежемесячно, что по сравнению с другими кредитными облигациями означает более высокую частоту выплат. «Тонда» может воспользоваться аутсорсинговыми услугами кредитной организации «Цаньлань»: если срок автокредита не превышает пяти лет, а срок кредита на подержанный автомобиль — трех лет, то автокредиты подходят для облигационирования. Например, выпустив облигации на сумму 2 миллиарда юаней, обеспеченные залогом личных автокредитов, мы сможем привлечь инвесторов к разделу доли рынка автофинансирования».

Такой объем информации уже изменил настроение всех присутствующих: с прежней зависти и презрения оно превратилось в удивление и растерянность.

Фэн Чу, хотя и высоко оценил её выступление, опасался, что она может только строить воздушные замки, и спросил: «В стране ещё не было ни одного прецедента выпуска облигаций по автокредитам. Говорить об этом легко, но знаешь ли ты, как это конкретно реализовать?»

«Компания „Тонда“, выступая в качестве посредника по кредитованию, должна выдавать заемщикам автокредиты через трастовый план, а затем извлекать денежные средства в форме принадлежащих ей прав на доход по трасту. Мы можем использовать эти права на доход в качестве базовых активов для участия в выпуске облигаций. На этапе комплексной проверки необходимо тщательно изучить ситуацию с заемщиками, составляющими базовый портфель. Первый шаг: компания „Тонда“, выступая в качестве инициатора, передает активы доверительному управляющему, который разрабатывает трастовый план. На втором этапе доверительный управляющий, выступая в качестве управляющего, поручает сервисной организации оказание услуг по управлению активами, а также поручает компании «Тонда» открыть специальный трастовый счет для сбора денежных потоков, причитающихся трастовой программе».

Фан Фэй, сохраняя полное самообладание, словно боец, гордо стоящий на ринге, продолжила спокойно: «Далее трастовый план, выступая в качестве эмитента, выпускает облигации для инвесторов и перечисляет привлеченные средства компании «Тонда», которая затем на регулярной основе собирает поступления денежных потоков и выплачивает инвесторам основную сумму и доход. В заключение «Тонда» подает заявку в Управление по банковскому и страховому надзору на получение лицензии на ведение деятельности и совместно с трастовой компанией представляет документы для регистрации данного продукта. После завершения формальностей подается заявка в Народный банк Китая на регистрацию облигаций; в течение срока действия регистрации можно самостоятельно выбирать время выпуска облигаций, а за пять рабочих дней до раскрытия информации в соответствии с требованиями необходимо направить в Народный банк Китая для регистрации окончательный проспект эмиссии, отчет о рейтинге, а также соответствующие юридические документы и регистрационную форму выпуска облигаций...»

В зале воцарилась тишина.

Тщательно продуманный план и опытная стратегия этой молодой девушки, только начинающей свою карьеру, резко контрастировали с её возрастом и вызвали благоговейный страх.

Если не удастся избавиться от неё, то, возможно, подлизаться к ней принесёт удачу.

«Как ты собираешься подходить к рейтингу облигаций, обеспеченных автокредитами?»

Чи Цзянь, часто выезжавший за границу с рабочими визитами, давно слышал о контроле рисков и хотел проверить, учла ли она этот аспект.

Фан Фэй ответила без заминки: «Чтобы получить двойной рейтинг, помимо обращения к сторонним профессиональным организациям внутри страны, необходимо также привлечь профессиональное международное независимое частное рейтинговое агентство».

«Как ты собираешься контролировать пул средств?» Фэн Чу радовался тому, что в своё время проявил прозорливость и сумел распознать талант: эта девушка, хотя и не имела большого стажа, обладала манерой настоящего мастера своего дела.

Ему казалось, что он уже видит, как под её руководством отдел фиксированного дохода будет процветать и достигнет расцвета.

Фан Фэй всесторонне объяснила: «Создадим «черный» и «красный» пулы. Один будет служить справочной основой для отчетности перед регулирующими органами, а другой — кредитными активами, передаваемыми трастовому плану при фактическом выпуске продуктов».

Фэн Чу решил проверить её практические навыки: «Это дело поручаю тебе. Если понадобится какая-либо поддержка, обращайся напрямую ко мне».

В зале поднялся шум.

«Без проблем!» — без тени страха, а даже с радостью на лице ответила Фан Фэй. Она ждала именно этого момента.

«Сейчас же я поручу отделу кадров напечатать тебе коробку визиток с должностью «менеджер отдела облигаций». С ними тебе будет удобнее вести дела».

Её так быстро повысили? Проработала в компании всего год и девять месяцев, а уже стала менеджером? Те старые лисы, которые ещё минуту назад смотрели свысока на её временную должность, мгновенно онемели.

Ведь сколько людей просидели на своих местах семь-восемь лет, дожидаясь, пока перед ними не исчезнет вся очередь, прежде чем занять нынешнюю должность. А она всего лишь за пять минут до окончания собрания выдвинула одно предложение, и все были вынуждены признать этот совершенно новый проект.

Если всё получится, Фан Фэй, как пионер в области облигационной финансирования автокредитов в группе «Тонда» и даже по всей стране, несомненно, обретёт огромную славу.

Не говоря уже о провале, сам процесс создания чего-то из ничего по сложности не уступает танцу в хрустальных туфлях на крутом утесе: одно невнимательное движение — и можно разбиться вдребезги.

Фан Фэй уже четко представляла, как действовать на каждом этапе, и получила полномочия от Фэн Чу, но в душе она все же испытывала некоторую неуверенность относительно успеха этого сотрудничества. В конце концов, председатель совета директоров автомобильного концерна «Чжан» Чжан Хэси — влиятельная фигура, много лет действующая на деловой арене. В это время Шэнь Юань, ранее работавший аналитиком по ценным бумагам, появился в эфире одной из самых популярных в городе передач о фондовом рынке и благодаря высокой точности своих рекомендаций и привлекательной внешности привлек внимание множества женщин-зрительниц.

Сотни зрительниц за сорок с лишним годами подряд звонили на телеканал с вопросами, когда он появится в следующем выпуске программы, и телеканал просто нанял Шэнь Юаня в качестве специального гостя и внештатного ведущего.

Фан Фэй поделилась своими внутренними опасениями с Шэнь Юанем, и тот предложил: «Почему бы тебе не обратиться за помощью к генеральному директору? Он же сам говорил,

что если возникнут проблемы, нужно обращаться к нему. Умение задействовать других людей для достижения своих целей — это тоже способность. Тем более речь идет о Фэн Чу, который имеет такие связи и гордо стоит на ногах в условиях реформ. В те времена, когда налаживалось финансовое сотрудничество между Шэньчжоу и Гонконгом, а также между провинцией Юэньдао и островом, его вклад был неоценим. Знаешь, аналитики нашей брокерской отрасли очень его уважают. Даже на «Юэдао» много «крупных игроков» хотят с ним подружиться, чтобы через него расширить свой бизнес на капитальном рынке материкового Китая. Ему даже не нужно ничего говорить — достаточно, чтобы он поддержал тебя, а в остальном ты просто действуй как обычно. Ты так тщательно подготовилась заранее, что у тебя точно всё получится».

В конце концов Фан Фэй последовала совету Шэнь Юаня и обратилась к Фэн Чу. Выслушав просьбу Фан Фэй, Фэн Чу с радостью согласился. На самом деле, поручая столь важный проект Фан Фэй, он не был полностью уверен в ней. С самого начала он намеревался приехать и поддержать её, но не сказал об этом Фан Фэй напрямую, чтобы проверить её смелость и воспользоваться случаем для её подготовки.

Имея рядом такого «великого авторитета», как Фэн Чу, Фан Фэй почувствовала себя увереннее перед председателем совета директоров автомобильного концерна «Чжан» Чжан Хэси и финансовым директором Лу Юнь. Сначала она чувствовала себя не в своей тарелке, но постепенно вошла в раж, стала говорить выразительно и уверенно, и в итоге сумела убедить обоих. По окончании выступления Чжан Хэси выразил Фан Фэй высокую оценку. Фэн Чу, естественно, почувствовал гордость, а в душе испытал огромное удовлетворение.

Бондизация автокредитов не была чем-то новым для Чжана Хэси, который уже много лет жил на острове Юэ. Он даже упоминал своим подчинённым, что эта сфера на внутреннем финансовом рынке всё ещё остаётся неразвитой и имеет большой потенциал для развития.

Это предложение Фан Фэй поможет активировать активы «Автомобильной группы Чжана» в сфере автокредитования на внутреннем рынке, облегчить бремя предприятия и стать для него приятным дополнением к уже имеющемуся успеху. Это было предназначено как сотрудничество, в котором каждый нашел своего единомышленника.

Сотрудничество требовало прохождения строгой проверки со стороны Комиссии по ценным бумагам и бирже, а также неоднократной проверки юридических документов юридическим отделом компании и мер контроля рисков отделом риск-менеджмента. Процесс был не только весьма длительным, но и требовал ответов на огромное количество запросов о предоставлении документов. Несколько сотрудников, занимавшихся этим проектом, не выдержали и уволились. Фан Фэй тоже подвергалась язвительным насмешкам, но все же выдержала.

Работа над проектом длилась полтора года, и в конце концов Фан Фэй наконец-то добилась выхода на рынок облигаций «Тонда-Чжанши Автокредит 15», открыв тем самым широкие возможности для автокредитования группы «Чжанши Авто».

Чжан Хэси был очень доволен этим сотрудничеством, хвалил её за сообразительность и высокую эффективность в работе и с ещё большим доверием поручил её отделу ведение дальнейшей деятельности по облигационным фондам.

К тому времени, когда Линь Чэнь вернулась на работу после декретного отпуска, некогда безжизненный отдел облигаций под руководством Фан Фэй уже вышел на новый уровень. В то время как она испытывала неловкость из-за того, что находилась на одном уровне с этой молодой подчиненной, Фан Фэй уже прошла путь от менеджера до старшего менеджера, а затем и до директора.

В ходе этой операции Фан Фэй обнаружила невысказанную тайну, связывающую личные связи и финансовые потоки. Контракты на размещение корпоративных облигаций могут заключаться со многими брокерскими компаниями, так почему же предпочтение отдается именно «Тонда»? Потому что это личные связи! Где есть люди, там есть связи, а значит, и бизнес.

Фэн Чу также напомнил Фан Фэй, что можно организовать «клуб состоятельных людей», чтобы привлекать руководителей из отрасли на ежегодные встречи.

Хотя форма мероприятия сводится к ежегодной встрече, посвящённой одной теме, с приглашением городских руководителей для участия и выступления, такой подход позволяет не только стимулировать совместные инновации и поддерживать финансовую стабильность, но и консолидировать ресурсы всех сторон в направлении развития рынка облигаций.

Она решила создать «Клуб состоятельных людей», который объединит круг новых влиятельных знакомых, чтобы превратить связи и информацию в реальную выгоду.

Небанковские организации — банки, брокерские компании, публичные и частные инвестиционные фонды, трастовые компании и т. д. — благодаря ежегодным контактам Фан Фэй принимают участие в этом «карнавале», уже сформировав альянс, способствующий развитию отношений в сфере размещения и дистрибуции ценных бумаг, что в конечном итоге приведет к формированию круга высшего уровня по распределению капитала.

После проекта с автомобильной группой Чжана Фан Фэй поняла, что в одиночку ей невозможно одновременно решать все проблемы, а для устранения различных непредвиденных ситуаций, возникающих в ходе проекта, требуются специалисты разных профилей.

Она изменила свой прежний стиль — сосредоточиваться на работе и не обращать внимания на чужие оценки — и стала по возможности проявлять доброжелательность по отношению к людям, а также уделять особое внимание подготовке выдающихся молодых специалистов. Обладая способностью как развивать новые направления бизнеса, так и управлять людьми, она каждый год приводила свою команду к сверхплановому выполнению задач, что, естественно, позволило ей стремительно продвигаться по карьерной лестнице.

С другой стороны, после длительного испытания временем изначально неопытный Шен Юань также стал известным в городе «богом фондового рынка».

Слава принесла им богатство, но в то же время усилила рабочую нагрузку, из-за чего у них оставалось всё меньше времени для совместного времяпрепровождения.

Эту идеальную пару в деловых кругах считают редким образцом идеального брака; каждый раз, когда журналисты брали интервью у Фан Фэй, они восхищались тем, какое счастье ей выпало в этой жизни. Однако за закрытыми дверями из-за переутомления они утратили интерес к интимной близости. Даже находясь обнажёнными друг перед другом, они могли спокойно спать до утра.

Чем выше были требования Фан Фэй к себе на работе, тем больше личных эмоций она приносила домой, и тем реже проявляла свою милую и очаровательную сторону, а вместо этого постоянно давала волю своим безудержным и яростным вспышкам.

Хотя она полностью посвящала себя карьере и всегда ставила свои чувства на первое место, её муж, словно губка, впитывал в себя всё — и достоинства, и недостатки. Когда-то она считала себя самой счастливой женщиной. Но теперь эти откровенные фотографии разрушили её уверенность в прочности брака...

Предательство со стороны самого доверенного и любимого мужчины — это как удар ножом прямо в сердце. Эта боль гораздо сильнее, чем потеря нескольких миллионов наличными.

Глава 6

Едва войдя в дом, Фан Фэй, у которой пересохло во рту, подняла чашку с молочно-белым бульоном из свиных костей и репы и стала жадно пить. Шэнь Юань, как обычно, накладывал ей еду. Ей становилось тошно от одной только мысли о том, что у её мужа роман с другой женщиной, и те палочки, которые то вытягивались, то сжимались, постоянно накладывая еду в её миску, чуть не вызвали у неё рвоту.

Как раз в этот момент зазвонил телефон Ли Вэйвэй, и она, почувствовав мурашки по коже, поспешила выйти на балкон, чтобы ответить.

«Генеральный директор Фан, как только вы сегодня ушли, Гули созвала совещание всех руководителей отделов компании. Она сказала, что собирается перевести меня в Ханчжоу. А там же филиал! Если я уеду, вы, оставаясь одна, берегите здоровье и меньше работайте сверхурочно! Я очень хочу вам помочь, но не знаю, что я могу сделать».

Услышав эти слова, у Фан Фэй на глазах навернулись слезы. Она всегда больше поощряла своих подчинённых, чем наказывала, и уделяла особое внимание развитию их самостоятельности. Она знала, что Ли Вэйвэй, которая три года назад, сразу после окончания университета, пришла к ней на должность младшего помощника, обладает природным умом и высокой лояльностью и уже давно готова работать самостоятельно. Эта искренняя, проникновенная мольба Вэйвэй была вызвана исключительно тем, что она не хотела, чтобы Фан Фэй страдала в одиночестве.

«Не волнуйся, то, что ты можешь поехать в Ханчжоу, — это настоящая удача для меня! У меня есть некоторые материалы по Гули, они хранятся в нашей общей почте. Воспользуйся этими зацепками и проверь, как она, проработав в компании совсем недолго, получила повышение в Ханге. Я помню, что в том году «Тонда» активно развивала облигации класса С, и ответственным за этот проект был Цай Цюань — тот самый, кто помог Гули стремительно продвинуться по карьерной лестнице, начав с программы подготовки менеджеров. Если тщательно собрать доказательства, наверняка удастся найти что-то компрометирующее, но действовать нужно быстро».

Ли Вэйвэй, находившаяся на другом конце провода, постепенно просветлела, и на её лице, ещё мокром от слёз, медленно расцвела улыбка: «Замечательно! Пусть она здесь выделяется, а я сейчас же отправляюсь в Ханчжоу, чтобы раскопать её прошлое!»

Когда Фан Фэй вернулась за стол, Шэнь Юань уже закончил есть, и на столе остались только остатки еды и её тарелка с приборами. Она поспешно подавила тошноту и выбросила в мусорное ведро ту порцию еды, которую ей навязали. Только тогда застрявшая в горле злость наконец улеглась.

Она подумала: «Я терплю, чтобы потом отомстить! Как только я выйду из отдела по борьбе с экономическими преступлениями, обязательно рассчитаюсь с ними по полной программе».

Рано утром следующего дня Фан Фэй вышла к воротам жилого комплекса, где её ждала машина. Шэнь Юань, которому не нужно было её провожать, отправился на машине на телеканал. Поздоровавшись с встретившей его с улыбкой ведущей У Цзин, он сел за стол и приступил к съемкам.

Когда он излагал свои взгляды, его глаза сияли, речь была изящной, аргументированной и обоснованной; в кадре он выглядел как сияющий принц на белом коне.

У Цзин с восторгом выслушала его до конца, а затем сказала: «Только что господин Шэнь Юань поделился с нами своим прогнозом относительно будущего фондового рынка, а теперь настала очередь господина Ся Мэна из компании «Циньли Секьюритиз» рассказать о своём анализе общей ситуации».

Затем камера переключилась на сидящего рядом с Шэнь Юанем невысокого полного мужчину в очках с чёрной оправой — гостя по имени Ся Мэн.

Он неловко поправил оправу очков своими короткими и толстыми пальцами и начал красноречиво говорить, но в тех отраслях, которые Шэнь Юань оценивал положительно, он, напротив, не видел перспектив; в тех секторах, где Шэнь Юань прогнозировал рост, он, напротив, говорил о колебаниях или падении.

У Цзин уже давно привыкла к этому. Один из них был оптимистом, другой — пессимистом, и телеканал никого из них не обижал.

По окончании передачи Се Мен вышел из здания телеканала и увидел, как группа поклонниц окружила Шэнь Юаня, прося у него автограф.

«Красавчик! Бог фондового рынка, давай, подпиши мне автограф!»

«Конечно», — Шэнь Юань одарил их солнечной улыбкой, быстро взял тетрадь и, удовлетворив просьбу, написал своё имя.

Се Мен стоял рядом с тоской в глазах, но девушки даже краем глаза не взглянули в его сторону.

Вдруг одна из девушек подбежала к нему и спросила: «Ты тот самый... как там тебя зовут? Мэн? Неважно. У тебя есть ручка?»

«Есть!» Се Мэн был приятно удивлён, подумав, что наконец-то кто-то попросил у него автограф, и поспешно достал импортную золотую ручку Parker.

Девушка выхватила ручку и подбежала к Шэнь Юаню, сказав: «Красавчик, не мог бы ты подписаться мне на одежде?»

К нему устремились ещё больше поклонниц и даже выбили из рук Шэнь Юаня золотую ручку, которую он только что отдал девушке после того, как подписался.

«Чёрт! Это же моя самая дорогая ручка!» — Ся Мэн так разозлился, что его лицо исказилось от гнева.

«Извини, вот тебе», — женщина подняла ручку с разбитым пером, сунула её ему в руку и развернулась, чтобы уйти.

На чистой ладони Се Менга остался трудноудаляемый след от чернил, и в порыве гнева он швырнул ручку в мусорное ведро.

«Мне она не нужна!»

Едва он обернулся, как увидел лицо, склонившееся над ним: это был высокий мужчина в темно-коричневой кожаной куртке.

«Давай сотрудничать, мы с тобой на одной стороне», — голос того человека был глубоким и сильным, в нём чувствовалась непререкаемая власть.

Се Мен сначала не хотел обращать на него внимания, но потом побоялся, что тот может оказаться крупным инвестором: если он его разозлит и тот уйдет, разве не отрежет он себе путь к доходам? Поэтому ему пришлось сдержать гнев и спросить: «Что ты имеешь в виду?»

«Мне этот тип тоже не по душе, я хочу тебе помочь», — сказал тот, указав на Шэнь Юаня, который был погружён в подписание документов.

«Помочь мне! А как ты можешь помочь?»

Се Мен знал, что некоторые крупные инвестиционные компании в последний момент перед скачком курса нуждаются в том, чтобы найти мелких инвесторов, готовых выкупить акции, и поэтому нанимают фондовых аналитиков, которые за вознаграждение публично высказывают свое мнение, подталкивая простых людей вкладывать свои сбережения, чтобы «поддержать курс».

Если в будущем он станет причиной тяжелых убытков для этих инвесторов, разве не станет он тогда палачом?

Хотя он и не был святым, у него всё же были свои принципы, и поэтому он категорически отказался: «Если речь идёт о манипулировании общественным мнением с целью сброса акций, то не обращайтесь ко мне».

Тот покачал головой и сказал: «Мне нужна только одна вещь, которая ни в коем случае не повлияет на твою профессиональную этику, но поможет тебе разгромить его так, что он уже не сможет подняться...»

Слушая это предложение, Ся Мэн расширил зрачки, а выражение ненависти на его лице постепенно сменилось улыбкой.

Шэнь Юань, подписав документы, с трудом отделался от целой толпы поклонников и заехал в подземный паркинг одного из торговых центров.

Вэйвэй, уже прибывшая в Ханчжоу для приступления к работе, незаметно просматривала общий диск компании в поисках доказательств нарушений Гули. Благодаря своей красоте

и обходительности, а также тому, что она часто сопровождала Фан Фэй в командировках в Ханчжоу, все к ней относились с особой заботой. Фан Фэй обычно была щедрой и пользовалась большой популярностью; хотя все открыто боялись обидеть Гули, в частном порядке они уже незаметно оказывали Вэйвэй всяческую поддержку.

Однако данные были обширны, и найти компрометирующие доказательства было нелегко — в конце концов, если в компании и были нарушения, они вряд ли могли фигурировать в базе данных. Ради Фан Фэй Вэйвэй практически не спала и не отдыхала, всю ночь напролёт выискивая малейшие следы, а также тратила время и силы на посещение старых коллег, хорошо знакомых с ситуацией того времени.

Но в настоящее время Гули обладает большим влиянием и имеет много шпионов, и, чтобы не выдать себя, она просто каждую ночь отправляла результаты своих расследований на общий с Фан Фэй почтовый ящик.

Утром её забирала машина отдела по борьбе с экономическими преступлениями, а вечером снова отвозила домой. Такая ситуация продолжалась уже неделю. С тех пор как Вэйвэй перевели в город Хан, Фан Фэй своевременно докладывала Чжан Ниню о полученных от Вэйвэй зацепках и материалах.

Чжан Нин время от времени встречался с Фан Фэй, чтобы получить свежую информацию. Сегодня он приехал уже в четыре часа дня. Они поговорили около получаса.

Чжан Нин закрыл блокнот и сказал: «Хотя мы ещё не получили ключевых доказательств, за это время ты много потрудились. Продолжай в том же духе. Сегодня ты тоже устала, так что пока езжай с нами и отдохни».

В машине Фан Фэй внимательно пролистала непрочитанные сообщения в телефоне. Никаких новых откровенных фотографий не поступило — неизвестно, исчерпал ли таинственный человек все свои приёмы или готовит новую атаку.

От офицера Ван тоже не поступало никаких звонков по поводу взыскания задолженности, и у неё не было сил спрашивать у Фан Дае, есть ли какие-то новые подвижки.

Сегодня был день временного затишья, хотя под поверхностью бурлили волны.

Уже пять часов, а Шэнь Юань ещё не вернулся домой. Фан Фэй знала: программа закончилась в половине четвёртого, дорога занимает полчаса, и ему не нужно было делать крюк, чтобы заехать за ней, так что он уже давно должен был быть дома. Куда же он делся за это время?

Едва она успела об этом подумать, как дверь внезапно открылась ключом, и Шэнь Юань, с мокрыми до корней волосами, румяными щеками и грудью, пропитанной потом, удивлённо посмотрел на неё.

«Почему ты сегодня так рано?»

«А ты почему так поздно?»

Фан Фэй почувствовала, как сердце сжалось от боли. Что же он там делал?

«Я сходил в спортзал, немного позанимался».

Шен Юань, словно не уловив скрытого смысла в её словах, положил портфель на диван, зашёл в спальню за пижамой и сразу же бросился в ванную.

Почему, когда она каждый день подвергается допросам и мучится, у него ещё остаётся настроение пойти позаниматься?

Глядя, как он удаляется своими длинными ногами, Фан Фэй была полна сомнений. Откуда он вообще вернулся? С каких это пор он стал любить заниматься спортом?

Ее взгляд упал на его сумку. Она, которая никогда не удостоивалась вниманием чужие секреты, впервые почувствовала желание раскрыть эту тайну. Прислушиваясь к шуму воды, она вела внутреннюю борьбу.

Смотреть или не смотреть?

Если посмотрю, разве я не стану одной из тех женщин, которые теряют себя ради мужчины? Разве достойная генеральный директор должна так рыться в секретах своего мужа?

Шум воды в ванной внезапно прекратился, и Фан Фэй почувствовала, что её здоровый смысл тоже отключился.

Когда шум воды вновь раздался, она поняла, что до выхода мужа осталось всего три минуты. Внезапно в голове раздался голос, громко подталкивающий её: «Проверяй, проверяй, поскорее посмотри, нет ли чего-нибудь подозрительного! Пусть он сам начал нечестно, не вини меня в нечестности».

Она быстро расстегнула молнию сумочки, и оттуда выпала визитка фитнес-клуба.

Фан Фэй поспешно сфотографировала её, а затем, не выдав своих эмоций, аккуратно положила карточку обратно.

В этот миг она вдруг почувствовала, как ей стало жалко себя.

То, что этот брак дошёл до такой стадии шпионской войны, действительно печально.

Она вдруг поняла, что ничем не отличается от любой другой женщины, переживающей кризис в браке: первая любовь, первый брак, первое предательство — ей оставалось только повторять те приёмы и схемы, которые она видела в мыльных операх.

А ежедневные звонки, своевременно сообщающие о ходе расследования, стали для неё главной опорой на пути к обретению свободы.

Виви сказала: «Сестра Фан, вчера я получила строго секретную информацию от одного бывшего сотрудника, который уже уволился! В сентябре 2014 года, когда Цай Цюань занимал должность генерального директора филиала, он под предлогом помощи в покупке трастовых продуктов получил от компании «Юаньсин» 50 миллионов. На самом деле в бухгалтерской отчётности компании за тот год было отражено только 20 миллионов, а остальные 30 миллионов были перечислены на счета членов семьи Цай Цюаня через этого бывшего сотрудника».

Фан Фэй оживилась и поспешно спросила: «Если слова этого бывшего сотрудника соответствуют действительности, сможет ли он предоставить документы, подтверждающие этот факт? И согласится ли он выступить в качестве свидетеля?»

В голосе Вэйвэй слышалась нотка тяжести: «Я получила выписки о поступлениях за 2014 и 2015 годы из финансового отдела, и этот уволившийся сотрудник готов дать показания по поводу этого перевода. Тогда он сначала отказывался принимать деньги, но Цай Цюань угрожал ему, что если он не выполнит операцию, то лишит его годовой премии. Ему срочно нужны были деньги на лечение ребёнка, и он был вынужден согласиться. Однако позже операция его ребёнка прошла неудачно, и он до сих пор считает, что именно его совесть, замученная чувством вины за содеянное, привела к такому исходу, поэтому он готов выступить в нашу пользу в качестве свидетеля. Гули, будучи помощницей Цай Цюаня, находилась с ним в неясных отношениях, и полиция вполне может вызвать её на допрос».

Долги класса «С» приносят огромную прибыль, и бесчисленное количество топ-менеджеров поплатилось за это своей карьерой. По-настоящему «после тумана — свет», и Фан Фэй почувствовала, что у нее появилась надежда на возвращение.

«У тебя был тяжелый день?» Шэнь Юань, надев халат, прислонился к дивану с ноутбуком на коленях, словно желая составить ей компанию.

У Фан Фэй защемило сердце; она взяла книгу и сделала вид, что читает, но на самом деле украдкой поглядывала на экран ноутбука Шэнь Юаня, однако видела только графики акций и новости о международных финансах на английском языке.

«Дорогая, садись, отдохни немного», — он внезапно встал, взял её за руку и притянул к себе.

Приблизившись, Фан Фэй почувствовала аромат геля для душа, смешанный с характерным мужским запахом, и невольно затаила дыхание. Как бы хорошо было, если бы она не увидела ту фотографию.

Фан Фэй тоже с смешанными чувствами села. Пролистав ленту в социальной сети, она вдруг заметила, что её соседка по комнате в университете — Тонг Вуцзи, вышедшая замуж за её подчинённого Лян Цишана, — выложила фотографии из поездки в Японию.

С короткими золотистыми волосами и семью пирсингами в левом ухе она позировала на фоне целой горы сумок от известных брендов и новых фигурок из мультфильмов, выпущенных ограниченным тиражом, улыбаясь ярче, чем подсолнух.

Фан Фэй оставила под постом комментарий: «Только не разоряй своего мужа».

У неё в груди «защелкнуло», она вспомнила о похищенных 3 миллионах и поспешила спрятаться в туалете, чтобы позвонить Фан Дайе.

«Папа, есть какие-нибудь подвижки по делу? Деньги вернули?»

«Ещё... ещё нет», — пробормотал Фан Дайе, вероятно, из-за чувства вины.

«У меня сейчас небольшие неприятности. Как только получу деньги, сколько бы их ни было, сразу же верну их тебе». Фан Фэй хотела рассказать о том, что против неё ведётся расследование, но побоялась, что он испугается и начнёт волноваться.

Но Фан Дайе сменил тему: «Фэйфэй, давай пока не будем об этом говорить, у меня для тебя хорошая новость!»

Фан Фэй раздражённо отрезала: «Деньги же так и не вернули, а какая тут может быть хорошая новость?»

«Я скоро стану папой!» — воскликнул в трубке Фан Дайе, лицо которого покраснело, как натертое воском яблоко зимой.

«Что?» — ошеломлённо воскликнула Фан Фэй, и её сердце, словно на американских горках, резко устремилось вниз.

«Твоя тётя Ма беременна! У меня в старости будет ребёнок! Если это будет сын, у нашей семьи Фан будет преемник!» — Фан Дайе особенно выделил последние три слова.

«Значит, я уже не считаюсь членом семьи Фан? Папа, вам обоим уже столько лет, да ещё и долгов по уши, а теперь вы хотите завести такого маленького ребёнка. К тому времени, как ему исполнится 18, тебе уже будет под 70, да? Сколько дней ты сможешь о нём заботиться?» Лицо Фан Фэй было холодным, как луна за чёрными тучами осенней ночи.

В трубке внезапно раздался женский визг: «Ой, ты так некрасиво говоришь! Ты что, проклинаешь своего отца? Действительно, дочь, выйдя замуж, — как вылитая вода, а о старике и похоронах придётся заботиться сыну! Правда, старик Фан?»

Любая беременная женщина переживает за своего ребёнка, а тем более такая пожилая беременная, как 45-летняя Ма Чуньхуа, которая и без того была в тревоге после того, как в больнице её отнесли к категории пожилых рожениц, а теперь ещё и была раздражена громким голосом Фань Дае в трубке — её гнев был безграничен.

«Эй, Чунхуа, хватит уже!» — Фан Дайе пытался вырвать трубку, но боялся при этом ушибить свою нежную жену.

Ма Чуньхуа, мрачно нахмурившись, с негодованием сунула телефон обратно ему в руку: «Тишина! Твоя дочь просто невоспитанная. Я получила свидетельство о браке и вошла в семью Фан — значит, я её мать. То, что она всё время называет меня «тётя Ма», я ещё могла бы простить, но теперь она ещё и осмеливается указывать мне, могу ли я завести ребёнка? Как ты её раньше воспитывал? Почему она такая невоспитанная?»

«Хватит!» — громко крикнул Фан Дайе, и на его лбу выступили синие жилы.

Ма Чуньхуа, видя, что он действительно вспылал, тоже стала вести себя вызывающе: «Хм! Я рискую, рожая в пожилом возрасте, разве не ради тебя? А вдруг в будущем твою дочь выгонят из мужа, на кого мы тогда сможем положиться?»

Фан Дайе, оказавшись под таким давлением, почувствовал себя так, будто его ударили по голове.

«Но наша дочь тоже права: сейчас у нас столько долгов, и из-за этого ей даже в семье мужа неловко жить...»

Ма Чуньхуа, погрузившись в раздумья, поворачивала глаза из стороны в сторону; ее притворный гнев, естественно, улетучился, и она бросила на него сердитый взгляд: «У меня от твоего раздражения судорога в икрах, помассируй их побыстрее!»

Фан Дайе, видя, что дело улажено, тут же с улыбкой подошёл к ней и начал нежно массировать её ноги своими сильными, покрытыми мозолями руками.

Вдруг зазвенел дверной звонок. В комнату вошёл Ма Тао — мужчина с густыми бровями, большими глазами и крепким телосложением, таща за собой чемодан.

Фан Дайе, из любви к дочери, радушно разместил его в комнате, где до недавнего времени жила Фан Фэй.

Ма Чуньхуа с улыбкой, словно цветок, подошла к нему и сказала: «Тао-Тао — студент-спортсмен, его успеваемость средняя, но у него есть диплом бакалавра по финансам из настоящего университета. Обязательно попроси свою дочь помочь ему найти работу!»

«Конечно, конечно», — с теплом в душе мгновенно согласился Фан Дайе.

Глава 7

В тот день Фан Фэй сдала специальные материалы, собранные Вэйвэй, которые доказали её невиновность. Она с облегчением вздохнула, подумав: «Наконец-то я могу вернуться на работу».

Перед уходом Чжан Нин оставила ей свой номер мобильного и сказала: «Если появятся какие-либо новые сведения, звони мне в любое время, чтобы рассказать об этом».

«Хорошо», — слегка улыбнулась Фан Фэй.

Её по-прежнему «сопровождали» те же пять человек, и все вместе они вернулись в «Тонда Групп».

В тот момент, когда она распахнула дверь, в офисе внезапно воцарилась гробовая тишина.

Под удивлёнными и отстранёнными взглядами сотрудников Гули, одетая в чёрный деловой костюм, подошла к ней, как хозяйка, и сказала: «Вернулись? Пока вас не было, я созвала всех менеджеров по продажам на совещание, чтобы узнать о последних результатах продаж долговых фондов. Кстати... Мне нужно доложить вам об одном деле: Ли Вэйвэй за отличную работу была переведена в филиал в Ханге на должность руководителя административного отдела».

Фан Фэй слегка приоткрыла губы и, сладко улыбаясь, сказала: «Она отлично справляется со своими обязанностями, это мой надежный помощник. Ты превратила её из секретаря генерального директора в маленького руководителя филиала — это явное понижение под видом повышения. Я попрошу менеджера отдела кадров Лю зайти ко мне в кабинет, чтобы как следует выяснить, почему было принято такое решение...»

«И это ты? Думаешь, ты всё ещё тот генеральный директор, что раньше? Ха-ха!» Гу Ли наконец не удержалась и рассмеялась.

Чжан Нин взглянул на часы, не желая больше терять время, и прямо подошёл к этой напористой красавице, спросив: «Вы — заместитель генерального директора Гу Ли?»

«Да, это я. В чём дело?» — Гули посмотрела на него с некоторым удивлением.

В отличие от предыдущего «содействия расследованию» со стороны Фэй, он перешёл сразу к делу: «Согласно собранным нами данным, вы подозреваетесь в коррупционном деле 2014 года. Пожалуйста, пойдёте с нами».

«Как это возможно!» — Гули закатила глаза, ее плечи задрожали, и она, словно сварливая баба, выпустила пронзительный вопль.

Увидев, что она притворяется не понимающей, Чжан Нин выложил все на стол: «В 2014 году вы, будучи помощницей бывшего генерального директора филиала в городе Хан Цай

Цюаня, после того как он заключил соглашения о сотрудничестве с компаниями «Юаньсин», «Янгуан» и другими по выпуску облигаций класса С, стремительно продвинулись по карьерной лестнице. Однако компания «Юаньсин» уже подала иск против «Тонда», требуя возврата исчезнувших 30 миллионов. В то время ты, будучи помощницей, лично сдавала каждый документ, почему же ты ничего об этом не знаешь?»

«Хватит здесь болтать, я сейчас пойду с вами...» Гу Ли была бледна как смерть, а взгляд её был отрешённым.

В момент ухода она внезапно обернулась и злобно уставилась на Фан Фэй.

Фан Фэй не стала обращать на неё внимания, вошла в кабинет менеджера отдела кадров Лю, известного своей способностью подстраиваться под обстоятельства, и спросила: «Кто одобрил кадровое перемещение Ли Вэйвэй?»

«Это... заместитель генерального директора Гу...» — лицо менеджера Лю покраснело, как у вареного краба.

«Вы думаете, я без секретаря не справлюсь с работой?» — Фан Фэй приподняла бровь и спросила с язвительной ноткой в голосе.

Менеджер Лю не осмелилась ответить, ей хотелось бы провалиться сквозь землю. Капля пота величиной с фасоль скатилась по брови на её лицо. Как она могла предвидеть, что всего через 14 дней эта женщина, которая, казалось, никогда не вернётся, снова появилась. А вот Гу Ли, которая так хвасталась и кичилась, напротив, была задержана для дознания. Никто из всего офиса даже не догадался об этом!

Фан Фэй, не давая ему передохнуть, продолжила: «Сейчас же верни её на работу. Кроме того, в следующем месяце мы планируем выпустить пять облигационных фондов общей стоимостью 20 миллиардов. Помогите мне как можно скорее подобрать помощника генерального директора из нашей внутренней кадровой базы».

Только после того, как она ушла, все, словно освободившись от заклятия Сунь Укуна, оживились.

«Не думали же, что подозреваемой окажется именно заместитель генерального директора Гу?»

«Генеральный директор Фан действительно не простая женщина: не только отозвала Ли, но и собирается нанять ещё одного помощника. Так её власть станет ещё более прочной!»

«Хорошо, что в день собрания я взял отпуск и не стал ни на чью сторону!»

Менеджеры, работающие под руководством Гу Ли, же все испытывали страх за свою должность и были подавлены.

Фан Фэй распахнула дверь кабинета и окинула взглядом панораму: за панорамными окнами простиралось безграничное голубое небо, а в небе расцветали белые облака, похожие на белые георгины.

В этот момент блеск солнечного луча, отразившийся от бриллианта на безымянном пальце, слегка порезал ей глаза. Неизвестно, какая сила заставила Фан Фэй войти в кабинет Гули: она поспешила так, что дверь осталась приоткрытой, а на столе стояла недопитая чашка кофе.

Фан Фэй осматривала стол и вдруг ее внимание привлекла фотография; она невольно взяла её в руки и стала внимательно рассматривать.

Под задыхающе-голубым ясным небом, на ступенях Потала, где развевались молитвенные флаги и разноцветные знамена, Гули смеялась вместе с несколькими девушками. Милое личико, слегка повернутое влево, показалось Фан Фэй знакомым. Её сердце забилося чаще, и она поспешила открыть галерею в телефоне, чтобы сравнить. От глаз до переносицы и губ — хотя прическа и одежда изменились, — профиль полностью совпадал.

В тот же миг она задрожала от ярости!

Ну и ну, Гули! Я знаю, что ты давно покушаешься на моё место. Почему бы тебе не победить меня в работе, а вместо этого прибегаешь к подлым уловкам?

Фан Фэй почувствовала, что на обратной стороне фотографии, похоже, есть надпись, развернула рамку, и появилась строчка, написанная изящным мелким почерком: «Групповая фотография клуба путешественников «Бихай Ланьтянь» 2018 года».

Фан Фэй ввела в поисковике Baidu слова «Клуб путешественников «Голубое море и голубое небо»», и на экране появился форум.

Если проследить за ниточкой, то очень скоро удастся выяснить личность той женщины.

Изначально она хотела выяснить историю, стоящую за этими откровенными снимками, но чем ближе она подходила к правде, тем сильнее чувствовала, как сердце сжимается от горечи.

Ей казалось, будто краб схватил её за горло своими огромными клешнями, и она не могла дышать.

Она очень боялась, что в тот момент, когда все станет ясно, она не сможет этого принять.

Если её муж, которого все считают кумиром, действительно вступил в интимную связь с той женщиной, она непременно пришла бы в ярость и немедленно подала бы на развод.

Чем больше это так, тем важнее становится принцип «что посеешь, то и пожнёшь» в работе.

Только карьера — это верный друг, который никогда не предаст.

Как генеральный директор она отвечала за привлечение и удержание клиентов с фиксированным доходом, подготовку профессиональных кадров, разработку планов развития и правил работы отдела, а также за организацию и реализацию годового плана, проведение исследований рынка облигаций, инвестиции и секьюритизацию активов.

Вдруг зазвонил мобильный телефон, и раздался громкий, сильный мужской голос: «Это офицер Ван из полицейского участка. По делу о мошенничестве, о котором вы сообщали в прошлый раз, есть результаты расследования. Пожалуйста, немедленно приезжайте».

«Правда? Мои деньги вернули?» — с радостью спросила Фан Фэй.

Она, которая с детства ни разу не брала в долг, уже была на грани срыва от чувства вины за то, что задолжала свекрови.

Однако на другом конце провода ответили: «О конкретных обстоятельствах вы узнаете, когда приедете».

Этот уклончивый ответ вызвал у неё тревожное предчувствие.

Как только она вышла из здания, яркий солнечный свет ослепил её, и из-за тошноты, связанной с беременностью, у неё даже закружилась голова; ей пришлось крепко ухватиться за колонну у входа и сделать несколько глубоких вдохов, чтобы прийти в себя.

Но, подумав о том, что у неё есть шанс вернуть обманным путём утраченные деньги, она собрала всю волю в кулак и помахала рукой, чтобы остановить такси.

В полицейском участке Фан Дайе сидел, словно увядший капустный кочан.

Рядом с ним стояла Ма Чуньхуа, прошедшая процедуру фотоомоложения с гиалуроновой кислотой и наряженная с иголки, с лицом, изобилующим льстивой улыбкой, словно хозяйка небольшого салона красоты у входа в свой заведение.

Молодой красавец с выпуклыми мускулами и чертами лица, очень похожими на её, стоял позади этой пары, словно телохранитель, и с любопытством посмотрел на Фан Фэй.

Фан Дайе дважды шевельнул губами, но не успел ни слова сказать, как горячая Ма Чуньхуа уже опередила его и стала расспрашивать Фан Фэй о самочувствии: «Ой, ты же беременна, береги себя! Что любишь — кислое или острое? В следующий раз я приготовлю и принесу тебе. Я, как мачеха, должна хорошо о тебе заботиться...»

Фан Фэй не была настроена на светскую беседу и обратилась только к Фан Дае: «Деньги так и не вернули, а дело уже закрыли? Я приехала сюда издалека, чтобы лично все выяснить!»

«Подожди, не иди пока!»

Ма Чуньхуа никак не смогла её удержать. Фан Фэй ворвалась в кабинет офицера Ван.

«Здравствуйте, я Фан Фэй, в прошлый раз я обращалась в полицию по поводу дела о мошенничестве. Скажите, пожалуйста, как обстоят дела сейчас?»

Офицер Ван поднял голову, удивлённо посмотрел на ворвавшуюся в кабинет женщину и спросил: «Это дело уже расследовано. Разве ваши родные не сказали вам правду?»

«Какую правду?» Фан Фэй была ошеломлена его невозмутимым тоном.

«Поскольку речь идет об убытке в 3 миллиона, мы все, от верхушки до рядовых сотрудников, уделяем этому делу особое внимание. В ходе расследования выяснилось, что это действительно дело о мошенничестве, но обманутым оказались не ваш отец Фан Дайе, а вы сами!»

«Что? Я не поняла, можно повторить?» По рукам Фан Фэй побежали мурашки, а по спине и лбу выступил густой холодный пот.

Колени у неё подкосились, и она рухнула на складной стул позади себя, чувствуя себя беспомощной, как рыба, вытасченная из воды; пронизывающий холод в спине вызывал у неё приступы тошноты.

Увидев, что она побледнела и у неё отбелели губы, офицер Ван проникся к ней сочувствием и терпеливо объяснил: «Фан Дайе вместе с Ма Чуньхуа обратились к вам за ссудой, якобы потому что их обманул заказчик при выполнении строительных работ, но на самом деле с прошлого года они практически не получали никаких заказов. Каждый фэн Ма Чуньхуа вкладывала в частную P2P-платформу с высокими процентами... Три месяца назад эта платформа обанкротилась, и она, в панике, спеша вернуть деньги, поспешила найти другую и вложила туда 2 миллиона, рассчитывая через два месяца вернуть тебе деньги с процентами, но, как ни странно, вторая платформа тоже исчезла!»

Фан Фэй почувствовала, как резко подскочило давление, виски запульсировали. Слова офицера Ван ударили по её сердцу, словно тяжелый молот: «По логике вещей, поведение твоего отца является мошенничеством, но, учитывая ваши отношения, лучше уладить это дело по-дружески».

Фан Фэй бессильно обхватила голову и истерично закричала: «Не может быть! Как мой отец мог меня обмануть? Вы что-то перепутали! Ведь в прошлый раз его же преследовали кредиторы...»

Это заставило офицера Ван с досадой хлопнуть по столу и сказать: «По результатам расследования выяснилось, что и «сторона А», и те, кто требовал долг, — это люди, которых нанял твой отец! Разве ты, как его дочь, не знаешь, что за последний год на его стройке не велось никаких работ?»

Фан Фэй почувствовала, как у неё закружилась голова, и, спотыкаясь, вышла за дверь.

Опираясь на стену, она медленно продвигалась вперёд и издалека увидела, что Ма Чуньхуа всё ещё смеётся и болтает. Гнев в ней нарастал и уже почти готов был вырваться наружу.

Она бросилась к ним и спросила с укором: «Папа, вы потратили мои деньги на покупку незаконных финансовых продуктов?»

Фан Дайе без сил промычал: «М-м».

«Ты вообще не занимался никакими строительными проектами, это всё было обманом?»

Фан Дайе уклонялся от её взгляда, не смея смотреть ей в глаза, и слегка кивнул.

«Фэйфэй, не сердись, мы найдём способ вернуть деньги, дай нам ещё немного времени!» — сказала Ма Чуньхуа с натянутой улыбкой.

Фан Фэй молчала, в глазах у неё блеснули слёзы, а губы были почти прокусаны.

Не услышав ругательств дочери, Фан Дайе подумал, что ему снова удалось отделаться. Он нагло стал умолять: «Это я виноват! Мы же одна семья, давай забудем об этом! Посмотрите, сын Чунхуа, Мао, только что закончил бакалавриат и пришёл искать работу. В любом случае,

деньги на погашение долга нужно зарабатывать, так почему бы не оставить их в семье? Если в компании не хватает людей, помогите ему устроиться...»

«Хлоп!» — натянутая струна в голове Фан Фэй внезапно оборвалась.

Раз она такая сильная, значит, подчинённые должны приводить любовников, чтобы подкопать ей почву?

Раз она сильная, значит, должна быть банкоматом для собственного отца?

Раз она сильная, значит, должна проглотить разбитые зубы и устроить на работу сына «мошенника»?

Она внезапно развернулась, подняла ладонь и замахнулась на лицо Ма Чуньхуа, но, к своему удивлению, была остановлена стоявшим рядом Ма Тао.

На руке Ма Тао выпятился красивый бицепс, а он сам безжалостно бросил: «Сварливая баба! Не смей бить мою маму!»

Ма Чуньхуа, которая сначала побледнела, теперь на лице у неё появилось скрытое, но явное выражение удовлетворённости.

Вот это да, «мать милосердна, сын почитает мать».

Фан Фэй прожила 30 лет, но впервые в жизни её назвали стервой. Раз деньги всё равно пропали, она решила довести дело до конца и, рывком как львица, прокричала: «Отпусти меня!»

Ма Тао слегка ослабил хватку, и она снова бросилась на него, чтобы подраться.

На этот раз её остановил Фан Дайе, широко раскрыв глаза от гнева: «Хватит, доченька, оставь твою тётушку в покое, она же носит моего ребёнка!»

Фан Фэй остолбенела: с детства отец ни разу не говорил ей ни одного строгого слова в лицо, а сегодня ради этой мошенницы он даже накричал на неё!

Фан Дайе тоже осознал, что, похоже, поступил не совсем правильно, и с видом полной правоты добавил: «Она просто добрая и не хочет, чтобы я мучился! Во всем виноваты эти вредные финансовые компании...»

Глава 8

Оказалось, что Ма Чуньхуа действительно не делала этого нарочно.

Год назад, когда она ехала в автобусе, она увидела на экране рекламу.

Очень симпатичный молодой актёр с крайне уверенным тоном рассказывал зрителям о приложении для управления финансами: процентная ставка достигала 16%, новичкам предлагали денежный бонус в несколько сотен юаней, да и срок вложения был недлинным.

У Ма Чуньхуа зародилась хитрая мысль: она решила, что вместо того, чтобы хранить деньги в банке и получать мизерный доход, лучше вложить их в этот финансовый продукт. Поэтому она отсканировала штрих-код, зарегистрировала аккаунт и в тот же день внесла туда 20 тысяч юаней; денежный бонус для новых пользователей в размере 300 юаней мгновенно поступил на счёт.

Почувствовав «сладкий вкус успеха», Ма Чуньхуа даже не потрудилась предупредить Фан Дае, а сразу перевела все 500 с лишним тысяч с его счета в это приложение. Всего через месяц она получила 6666 юаней процентов. Сняв деньги, она как раз оплатила расходы на материалы и оплату труда рабочих, а всё, что осталось, осталось ей.

Почувствовав вкус успеха, Ма Чуньхуа снова обратилась к Фан Дае с просьбой о деньгах.

Сначала Фан Дайе отказался: «Нам же не нужны деньги, зачем они нам? Дела идут слишком плохо, лучше просто закрыть лавочку в конце года».

«Закрывать можно, но только не говори об этом дочери! Иначе откуда я возьму деньги на покупку финансовых продуктов?»

«Что?» Фан Дайе с детства приучал дочь не обманывать людей, и как он мог теперь сам обмануть её, чтобы она отдала деньги?

«Эти финансовые продукты выпускает официальная компания! О них показывают рекламу по телевизору, а проценты — это чистый доход. В будущем нам не придётся каждый день ходить на стройку, подвергаясь ветру и солнцу, — твоя дочь будет просто перечислять нам деньги каждый месяц на текущие расходы! Даже одних процентов хватит, чтобы жить на широкую ногу».

«Но моей дочери тоже нелегко зарабатывать. Да и она скоро снова будет рожать...»

«Ей нелегко зарабатывать — да в этом мире никому нелегко зарабатывать! Посмотри: она каждый день сидит в офисе под кондиционером и получает зарплату в несколько сотен тысяч в месяц. Если ты не возьмешь у неё деньги, то когда у неё родится ребёнок, всё это останется чужим людям. К тому же, я ведь тоже собираюсь завести ребёнка! Если родится сын, разве ты не собираешься отложить для него немного денег?»

Фан Дайе тоже мечтал за всю жизнь завести сына, и, поддавшись на эти уговоры, смягчился.

«Ну... сколько нужно?»

«Как минимум 1 миллион. По истечении срока верни ей деньги, а потом одолжи снова — так у меня каждый месяц будет доход более 10 тысяч!»

Эта супружеская пара и подумать не могла, что финансовый продукт с процентной ставкой 16 % может быть незаконным, и тем более не догадывалась, что компания-разработчик приложения, рекламируемая по телевизору, может оказаться мошеннической. Поэтому, ослеплённые жадностью, они вложили в него весь миллион, который позже получили от Фан Фэй.

С тех пор первым делом, которое Ма Чуньхуа делала каждый день, как только открывала глаза, было проверять сегодняшние проценты и накопленную прибыль. Но однажды, когда она собралась вывести деньги, обнаружила, что кнопка стала серой. Прозвонив в службу поддержки полчаса, она наконец услышала холодный голос: «Здравствуйте, наша система сейчас обновляется, проблема будет устранена в ближайшее время».

«Когда же это исправят! Я жду свои деньги!»

«Мы решим эту проблему как можно скорее, просим прощения за доставленные неудобства».

Как бы Ма Чуньхуа ни нервничала, собеседник никогда не отвечал ей грубостью. Прошло ещё два дня, и она даже не смогла войти в свой аккаунт.

«А где деньги? Исчезли?» Фан Дайе был так взбешен, что чуть не выплюнул кровь; ему было больно за эти деньги, которые дочь заработала тяжелым трудом.

«Что делать?» — снова спросил Фан Дайе.

Ма Чуньхуа ответила: «Подожди ещё! Вдруг всё снова заработает».

Однако чуда не произошло. Это приложение было похоже на тайфун 11-й категории по шкале Бофорта под названием «Манчук»: оно пришло внезапно, унесло с собой их миллион, а затем так же внезапно исчезло, оставив после себя лишь чёрную бурю.

В это время Фан Фэй начала процедуру экстракорпорального оплодотворения и не успела потребовать долг у отца.

Ма Чуньхуа снова вступила в разговор: «Ещё 2 миллиона у твоей дочери!»

«Что?! Ты с ума сошла! Мы только что обратились в полицию в Шучэн из-за того миллиона, и сейчас ждем новостей из группы по защите прав. Как ты до сих пор не извлекла урок и снова думаешь о деньгах?»

«В прошлый раз мы наткнулись на мошенников, но в этот раз я больше не верю рекламе! Эта платформа абсолютно надёжная. Если мы вложим деньги, то при ставке 25 % от 2 миллионов за год получим 500 тысяч, а за два года — уже 1 миллион. Так мы сможем полностью вернуть все долги».

«25 %? Так высоко? А действительно всё в порядке? Почему ты так уверена?» — скептически спросил Фан Дайе.

«Госпожа Ван, вы помните?» У Ма Чуньхуа было немало друзей из самых разных слоёв общества.

«Та богатая дама в чекине, с которой мы в прошлый раз играли в маджонг?» Фан Дайе помнил эту женщину — полную, с большими ушами и щедрую на деньги.

«Это финансовая компания, открытая мужем её лучшей подруги. Она сама вложила деньги и сказала, что высокие проценты объясняются инвестициями в несколько проектов по добыче золота в Южной Африке. Золотые прииски! Как надёжно! Она сказала, что если компания понесёт убытки, нам компенсируют убытки золотом».

— Неужели всё так хорошо? — Фан Дайе всё ещё считал это немного подозрительным.

Ма Чуньхуа же настойчиво сказала: «Правда! Это же инсайдерская информация, если бы мы не были старыми знакомыми, она бы меня с собой даже не взяла. Те местные олигархи вкладывают по несколько десятков миллионов, по несколько десятков миллионов. Если мы не воспользуемся этой возможностью, у нас больше не будет шанса выбиться в люди!»

«Ну... ладно!» Фан Дайе немного поколебался, но в итоге снова пошёл на уступку. Ведь эта госпожа Ван играла в карты с невероятной щедростью, и он от всего сердца считал её вполне надёжной.

«Но я боюсь, что дочь мне не поверит». Сейчас больше всего Фан Дайе беспокоило, как пройти через дочь.

«Чего бояться? Я уже всё придумала. Скоро Новый год, просто скажи, что к тебе пришли рабочие за долгами и угрожают сломать тебе ноги, если не дашь 2 миллиона. Статистов я сама найду!»

Так и произошла та сцена, когда Фан Фэй, получая капельницу в больнице, получила от своего старого отца звонок с просьбой о помощи. Никто и подумать не мог, что в конце концов госпожа Ван окажется обманутой своей давней подругой, а её несколько десятков миллионов уйдут в никуда. Ма Чуньхуа она даже затащила на улицу, чтобы та развернула плакат...

Выслушав всё это, Фан Фэй закипела от ярости и не смогла удержаться от того, чтобы про себя не обругать их за то, что они ослеплены жадной наживой.

Шум привлек внимание сотрудников, которые строго сказали: «Что у вас за шум, семья? Если не уйдёте, вас задержим и возбудим уголовное дело по обвинению в мошенничестве!»

Ма Тао остановил Фан Фэй — нельзя было бить человека. У неё осталась капля здравого смысла: она боялась, что, ударив ногой, может поранить ребёнка.

Она почувствовала, как едкий запах ударил ей в нос, и слезы хлынули из глаз; плача, она сказала: «Хотя у меня и нет мамы, вы всегда лелеяли меня, не позволяя мне делать ни одной работы по дому. Каждый раз, когда я болела, вы не спали ночами, ухаживая за мной; вы не жалели ни еды, ни одежды, даже довели себя до истощения, только чтобы я могла учиться. Вот почему я безоговорочно доверяла вам и даже тайком взяла деньги у свекрови, чтобы спасти вас! Но теперь, только из-за вашей с Ма Тао глупости и жадности, я зря обрекла себя на долг в 3 миллиона!»

Фан Дайе с позором опустил голову, лицо Ма Чуньхуа то краснело, то бледнело, и даже Ма Тао был крайне удивлён, ведь он всё это время думал, что Фан Фэй была в курсе.

Но произошло нечто ещё более поразительное. Фан Дайе побледнел как полотно, у него подкосились ноги, и он с грохотом упал на колени.

Он сказал: «Доченька, это папа виноват. Только не порти себе здоровье из-за этого, прошу. Помни, как я в одиночку с трудом и лишениями вырастил тебя, и поверь папе ещё раз. В будущем я обязательно найду способ вернуть тебе деньги. Ты же не можешь подать на нас в суд! Ты же не можешь отправить меня и твою мачеху в тюрьму!»

Фан Фэй молча плакала. Вид пожилого отца, сгорбившегося и стоящего на коленях, полнотью заглушил её обиду и гнев.

Фан Дайе всё ещё рыдал и каялся: «Фэйфэй, я беспомощен, я ни на что не годен, я опозорил тебя и ещё заставил тебя оказаться неправой в семье мужа. Я вступил в группу в QQ, посвящённую защите прав. Как только ребята найдут этих ублюдков, я возьму нож и заставлю их вернуть деньги!»

«Что здесь происходит?» — остановился проходящий мимо журналист в очках с фотоаппаратом на шее.

Он пришёл снимать репортаж, но его внимание привлекла эта семья. Он задал несколько вопросов знакомому полицейскому, слушая его, кивал головой и сделал несколько снимков.

Фан Фэй стиснула зубы, топнула ногой и дрожащим голосом сказала: «Встаньте, а потом будем говорить!»

Увидев, как две острые искорки в глазах дочери постепенно померкли, Фан Дайе понял, что дело пошло на поправку. Он тут же, шатаясь, поднялся на ноги, смиренно взял дочь за правую руку и сказал: «Пойдем, сначала домой. Пусть тетя Ма приготовит ужин, и мы всей семьёй как следует поужинаем».

Ма Чуньхуа тоже поспешила поддержать левую руку Фан Фэй и, улыбаясь, сказала: «Во всех ошибках виновата я. Сегодня я приготовлю тебе самую вкусную рыбу с квашеной капустой, чтобы загладить свою вину...»

Фан Фэй и думать не могла о еде. Она вытерла слёзы, оттолкнула их руки и холодно сказала: «Я не буду есть. Позовите меня, когда деньги будут готовы».

Ма Чуньхуа, воспользовавшись ситуацией, сказала: «Тогда в следующий раз. Я приготовлю твою любимую рыбу в остром соусе и принесу тебе домой. Беременные же любят острое и кислое...»

У Фан Фэй не было настроения слушать, как она рассказывает о вкусах беременных, и, не сказав ни слова, она развернулась и пошла прочь.

Глядя на её спину, встревоженный Ма Тао отвёл Ма Чуньхуа в сторону и тихо сказал: «Ма, это же не заимствование денег, а явное мошенничество!»

Ма Чуньхуа толкнула его и сказала: «Ты, предатель! Разве я не зарабатываю деньги ради тебя?»

«Ради меня?» — удивлённо спросил Ма Тао.

Ма Чуньхуа с полной уверенностью ответила: «Ты разве не видишь, сколько можно заработать, работая на себя? Я тоже попала на удочку, решив заработать на процентах в P2P. Если бы я знала, что так выйдет, лучше бы купила небольшую квартиру, дождалась, пока она подорожает, а потом перепродала бы с прибылью!»

«Почему ты до сих пор не раскаялась? Куда делась та мама, которая с детства учила меня зарабатывать честным трудом? Если ты не вернёшь долг, я сам буду работать, чтобы вернуть ей эти деньги!» — с гневом бросил Ма Тао и, не оглядываясь, ушёл.

Небо было мрачным, над головой нависали чёрные тучи, в воздухе витал запах земли. Вскоре пошёл дождь.

Фан Фэй стояла под навесом у дороги. Она ненавидела этот несвоевременный ливень, но ещё больше — свою беспомощность и одиночество.

Её рука потянулась к рюкзаку; она колебалась, звонить ли Шэнь Юаню, чтобы он приехал за ней и, заодно, рассказать ему обо всех подробностях этого ужасного происшествия.

Вдруг раздался два сигнала клаксона, словно зовущие её.

Она оглянулась и увидела синий «Порше», которого никогда раньше не видела.

Окно автомобиля медленно опустилось, и мужчина в солнцезащитных очках помахал ей рукой. Он был очень похож на Сяо Чэна, соседа и друга детства Фан Фэй!

Как это возможно? Как у рядового служащего государственного учреждения может быть такая роскошная машина? Наверное, это просто сходство.

Только когда он снял солнцезащитные очки, Фан Фэй убедилась, что это действительно Сяо Чэн.

«Как ты здесь оказался?!» — Фан Фэй была в полном изумлении.

Сяо Чэн не стал долго объяснять, а сразу сказал: «Куда едешь? Я тебя подвезу!»

«В компанию!»

«Залезай быстрее!»

Фан Фэй взяла салфетку, которую протянул Сяо Чэн, вытерла волосы, оглядела салон машины и с любопытством спросила: «Откуда у тебя эта роскошная машина?»

«Если я скажу, что выиграл в лотерею, ты поверишь?» — Сяо Чэн пристально посмотрел на неё и спросил.

Фан Фэй рассмеялась: «Ха-ха, это же абсурд».

Они были соседями и дружили с детства. Более десяти лет назад Фан Фэй ещё жила в ветхом низком домике рядом с вонючей канавой, а Сяо Чэн тогда только-только начал работать.

Каждый раз, когда у Фан Фэй заканчивался газ, именно он помогал ей тащить газовый баллон наверх. Когда Фан Фэй переживала из-за оплаты обучения в университете, он сам предложил ей свои сбережения.

Каждый день после работы он приносил домой лотерейный билет и говорил ей: «Я снова купил комбинацию 8, 3, 0 — это дата твоего дня рождения, 30 августа, — и 3, 1, 5 — это дата моего дня рождения, 15 марта, а в качестве специального номера выбрал твою любимую цифру 11. Если вдруг выиграем джекпот, мы разбогатеем».

«Не „мы“, а ты!» — Фан Фэй всегда скептически прерывала его фантазии и продолжала решать пробные тесты к вступительным экзаменам.

Сяо Чэн же, полный надежды, говорил: «Когда я разбогатею, обязательно обеспечу тебе хорошую жизнь».

«Только благодаря лотерее?» — с презрением сказала Фан Фэй. «Сяо Чэн, ты что, слишком много сериалов смотришь? Почему ты такой нереалистичный? Побольше читай книг, учись, а не мечтай постоянно о таких вещах, как «пирожки, падающие с неба»!»

Сяо Чэн улыбнулся, но ничего не ответил. Это был ещё один путь, помимо работы, который мог помочь ему осуществить свою мечту.

Изначально у Сяо Чэна были отличные оценки: он отличался не только привлекательной внешностью, но и был образцовым учеником, а также чемпионом города по тхэквондо.

Но чтобы облегчить бремя семьи, Сяо Чэн после окончания средней школы поступил в техникум и как можно скорее начал работать. Из-за этого классный руководитель дважды беседовал с его матерью, объясняя ей, что у Сяо Чэна есть шанс поступить в один из трёх лучших вузов страны, где он сможет закончить обучение за счёт стипендии и подработки.

Но Сяо Чэн в итоге остался при своём: «Если я действительно пойду учиться, то дома останутся мать и младший брат — вдова с детьми. Кто тогда будет зарабатывать на жизнь?»

Отец Сяо Чэна недавно скончался, а мать в молодости перенесла операцию и не может переутомляться; будучи самостоятельным, он уже давно считал себя опорой семьи.

«Я могу тебя поддержать!» — классный руководитель всё ещё не сдавался, взяв его за руку, — «Сяо Чэн, мне не хочется, чтобы такой талант пошёл на ветер. Ты понимаешь, насколько важен для человека диплом о высшем образовании? Тем более что у тебя есть шанс поступить без вступительных экзаменов! Сколько людей мечтают о такой возможности, но так и не дожидаются её!»

«Учитель, спасибо за ваше доброе намерение, но пока я учусь, я не смогу приносить доход семье. Разве не для того, чтобы потом работать, мы и учимся? Сейчас у нас дома есть больной, о котором нужно заботиться, а младший брат тоже ходит в школу — я не могу их бросить».

В те годы Сяо Чэн был ещё слишком молод и совершенно не осознавал, что слова учителя были основаны на тысячах и тысячах горьких примеров, свидетелем которых он был. Ещё меньше он мог предположить, что этот выбор положит конец его любви.

Отношения между Фан Фэй и Сяо Чэном изначально складывались неплохо, но с тех пор, как она поступила в университет, эти двое, выросшие вместе с детства, начали постепенно отдаляться друг от друга. Позже появился Шэнь Юань, Фан Фэй купила квартиру ещё до свадьбы, и после того, как вся семья переехала, у неё стало ещё реже появляться возможность встретиться с Сяо Чэном.

«Я выиграл именно потому, что десять лет подряд покупал одну и ту же старую комбинацию номеров», — сказал Сяо Чэн, поворачивая руль; его мягкий голос звучал как небесная мелодия.

Фан Фэй с смехом и досадой сказала: «Не думала, что тебе так повезло. Я каждый день работаю не покладая рук, а до сих пор не дотягиваю до тебя...»

А если учесть ещё и то, что её обманом лишили денег, то разница была гораздо больше, чем просто «хуже».

В этот момент машина проезжала мимо здания городского телевидения.

Группа людей с плакатами протестовала; на нескольких из них были написаны лозунги вроде: «Фондовый гений Шэнь Юань — манипулятор, обманывающий инвесторов и обрезающий их как чеснок», «Шэнь Юань — яд фондового рынка», «Шэнь Юань — бог бедности, приносящий людям убытки» и тому подобное.

«Шэнь Юань? Что здесь происходит?» — невольно вырвалось у Фан Фэй.

«Похоже, в последнее время прогнозы твоего мужа не слишком точны», — сказал Сяо Чэн, нажав на педаль газа и ускорившись, чтобы уехать подальше от этой разъяренной толпы инвесторов.

«Когда это было? Почему он мне ничего не сказал?» Её внимание наконец отвлеклось от откровенных фотографий, и она только тогда поняла, что за этим, похоже, скрывается какая-то тайна, и проблема, возможно, гораздо сложнее.

Глава 9

В тренажерном зале Шэнь Юань бежал на беговой дорожке.

Девушка с длинными вьющимися волосами, одетая в облегающую спортивную форму и обладающая прекрасной фигурой, улыбалась, глядя на него.

На столе у тренажера внезапно зазвонил мобильный телефон. Шэнь Юань нажал кнопку «пауза» на тренажере и, задышавшись, ответил на звонок.

Раздался суховатый голос Фан Фэй: «У тебя в последнее время нет никаких неприятностей?»

Шэнь Юань нахмурился и сошел с беговой дорожки. Он взял полотенце, которое протянула ему девушка, вытер пот и почувствовал, как в душе закипели эмоции.

Как же ему ей это сказать?

Раньше он без колебаний рассказал бы ей обо всём, что с ним произошло.

Но теперь всё изменилось.

Несмотря на то, что у него было тысяча слов на языке, он мог только с затруднённым выражением лица ответить: «Нет».

«Но сегодня я видела...»

Фан Фэй как раз собиралась рассказать о баннере, когда вдруг заметила Ли Вэйвэй, уставшую от долгой дороги и тащущую за собой чемодан, которая стояла за дверью и восторженно махала ей рукой.

Здорово! Эта важная соратница наконец-то вернулась в штаб.

Тем более что на этот раз Фан Фэй едва не оказалась за решеткой, и только благодаря решительной помощи Вэйвэй ей удалось выбраться целой и невредимой.

Она поспешно завершила разговор с Шэнь Юанем, подошла к Вэйвэй и хотела взять её чемодан.

Вэйвэй поспешно отмахнулась: «Вы же беременны! Я сама справлюсь».

Фан Фэй не стала настаивать, улыбаясь наблюдала, как та суетится, а затем спросила: «Ты даже не отдохнула, а сразу пришла?»

«Как только я услышала радостную новость о вашем возвращении, я не могла дожидаться ни минуты!» — воскликнула Вэйвэй, отложив вещи в сторону.

«Вэйвэй, спасибо тебе!» — Фан Фэй была так тронута, что у неё на глазах навернулись слёзы.

«За что благодарить? Это само собой разумеется!» — ответила Вэйвэй. «К счастью, Цай Цюань из-за своего ужасного характера нажил себе врагов. Даже дядя Чжан, уволившись, вернулся, чтобы предоставить информацию — он просто не мог терпеть, что этот человек ведет себя по-разному в открытую и за кулисами».

Фан Фэй кивнула и сказала: «Пока оставим это в стороне. Сейчас мы временно решили внешнюю проблему, а главная задача на следующий этап — обеспечить успешные продажи долговых фондов!»

«Верно, сегодня как раз 15-е число. Пойду с вами и буду вести ежемесячное совещание по продажам!»

Вэйвэй села за свой рабочий стол, открыла ежедневник, включила ноутбук и, как обычно, ловко разослала приглашения на совещание всем менеджерам по продажам.

Стоит отметить, что в последнее время Гули также провела одно общее собрание отдела продаж. В тот момент, когда ситуация была неопределённой, некоторые нерешительные менеджеры по продажам колебались, подумывая о том, чтобы перейти в лагерь вице-президента и сохранить себе работу; были и те, кого Фан Фэй начала воспитывать с самого начала их карьеры — они всегда твердо верили, что их начальница честна и открыта и обязательно докажет свою невиновность.

Те, кто раньше занимал нестабильную позицию, с тревогой входили в ярко освещённый, просторный и роскошный конференц-зал, опасаясь, что с ними потом разберутся.

Фан Фэй уже давно заняла место председателя и ждала, пока все участники соберутся. Шаги то и дело доносились то издалека, то ближе, и её взгляд спокойно скользил по каждому входящему. Словно яркий лучик утреннего солнца освещал их, и в сердце каждого пришедшего сразу же возникало теплое чувство.

До начала заседания оставалось пять минут, и все уже собрались. Фан Фэй встала и с улыбкой окинула взглядом весь зал. Некоторые с радостью встречали её возвращение; у других на лицах застыла натянутая улыбка, а взгляд блуждал в стороне.

Таким образом, Фан Фэй прекрасно понимала, кто из них человек, а кто — призрак. Эти менеджеры по продажам фондов имели как минимум трёхлетний опыт работы, накопили значительные ресурсы и, разумеется, обладали отличными коммуникативными навыками — все они были настоящими хитрецами. Но чем умнее человек, тем лучше он понимает, что те быстрые повороты, которые кажутся коротким путём, на самом деле ведут к бездонной пропасти.

Фан Фэй серьезно и решительно сказала: «В последнее время в компании произошли некоторые события, но они не влияют на нормальную работу. Я хочу, чтобы каждый из вас сбросил с плеч психологическое бремя. Я критикую дело, а не человека. Я знаю, что у всех есть свои трудности, и ни в коем случае не буду обделять ни одного сотрудника, который добросовестно работает и добивается результатов».

Только тогда у некоторых с сердца как будто свалился камень, и их брови постепенно распрямились. А те подчинённые, которые и без того были преданны делу, почувствовали ещё большую гордость: люди всегда стремятся к свету, и никакие материальные соблазны не могут сравниться с уверенностью, которую даёт реальный труд.

Фан Фэй всегда не любила внутренних раздоров: вместо того чтобы позволять «плохим монетам вытеснять хорошие», почему бы не заниматься непосредственно воспитанием достойных людей?

После собрания она сказала Вэйвэй: «Сейчас у меня уже не так много сил, как раньше. Для управления командой, планирования и реализации проектов мне нужен хороший помощник. Как только я вернусь, поручу менеджеру Лю подобрать подходящего кандидата. Говорят, сегодня на эту должность претендует немало подходящих сотрудников из нашей компании. Может, ты сможешь мне их просмотреть?»

«Хорошо!»

Поскольку все кандидаты были сотрудниками головного офиса, проводить собеседования было очень удобно.

Перед уходом с работы Вэйвэй принесла радостную новость: «Кандидаты, которых нужно собеседовать, уже отобраны, осталось только вам принять окончательное решение».

По дороге в кабинет для собеседований Фан Фэй спросила: «Кто там?»

Вэйвэй, держа в руках три резюме, ответила: «Один из них — Чжу Юэ, бывший ведущий менеджер по продажам нашей конкурентной компании «Фэнлинь Фонд», который недавно перешел к нам и проработал здесь полгода; другой — аналитик Лан Цань с многолетним опытом работы на первичном рынке; хотя он и сменил сферу деятельности, отличается хорошей сообразительностью и честностью; третий — Лань Тин, стажер по управлению, проработавший у нас всего три месяца. Он получил степень бакалавра по юриспруденции, а после окончания университета поступил в Школу экономики Стэнфорда, где получил степень магистра финансов. Он владеет тремя языками, очень умен и является наследником компании «Ланьши Риэлти»».

Закончив, она передала эти резюме.

Фан Фэй с любопытством спросила: «Почему наследник не работает в компании, которую открыла его семья?»

«Этот вопрос вы задайте ему позже, во время собеседования, — он сказал, что хочет рассказать вам об этом лично», — озорно заинтриговала Вэйвэй.

«Мне?»

«Да, он сказал, что вы — одна из двух руководителей, которых он уважает больше всего».

«А кто ещё?»

«Его мать — Лань И, председатель совета директоров компании „Ланьши Риэлти“».

Фан Фэй улыбнулась: «Как интересно. Надеюсь, нам суждено будет поработать вместе».

Журналист принёс в редакцию фотографии, сделанные в полицейском участке, и сейчас просматривал их одну за другой.

Один из коллег из финансового отдела бросил на них взгляд и остановился.

«Разве это не Фан Фэй? Где это снято? У неё бывают такие неудачные моменты?»

«Кто такая Фан Фэй?» — журналист был крайне удивлён.

«Ты совсем не следишь за новостями нашего финансового раздела. Это же генеральный директор фонда «Тонда»! Самая быстропродвигающаяся женщина-лидер в отрасли».

«Та самая женщина, которая в прошлый раз заняла три страницы приложения к финансовому разделу, была одета в костюм от известного бренда и которую вы целый день интервьюировали?» — репортер вспомнил ту сцену, которую видел в полицейском участке, и не мог в это поверить.

С одной стороны — капризная гражданка, с другой — роскошно одетая финансовая элита — разница просто колоссальная.

Финансовый репортёр продолжил глубокий анализ: «Слышал, что недавно её забрали на допрос в отдел по расследованию экономических преступлений, только недавно отпустили, а теперь что-то снова случилось? Конфликт в компании?»

Репортер и не подозревал, что случайно наткнулся на настоящую сенсацию, и был в восторге: «Скандалная семейная история! Ее отец в сговоре с мачехой обманул ее на более чем три миллиона!»

«Ого!» — репортер из финансового отдела широко раскрыл глаза, и его и без того красные от возбуждения глаза стали ещё краснее. «Эта новость взорвёт интернет. Давай поработаем вместе: ты напишешь о самом событии, а я предоставлю тебе справочную информацию».

В это время сама фигурантка дела, Фан Фэй, находилась в кабинете для собеседований и поочередно беседовала с тремя соискателями.

Вопросы, касающиеся работы, уже задавали другие коллеги, поэтому Фан Фэй намеренно задавала вопросы, казавшиеся несущественными.

Например: «Чем вы обычно любите заниматься после работы?»

Цель такого подхода заключалась в том, чтобы по реакции собеседника угадать его истинные мысли.

Когда соискатели видят свою модную и красивую начальницу, повязавшую шарф от «Эрмеса», они часто начинают болтать о чём придётся, не подозревая, что многословность чревата оплошностями.

«Обычно я выпиваю бокал вина, чтобы расслабиться, а потом собираю информацию, чтобы подготовиться к завтрашним вызовам».

Первой соискательницей была Чжу Юэ — с короткими кудрявыми волосами, уложенными с помощью геля, и тонкими чертами лица, красивая, как киноактриса.

«Информацию? Похоже, у вас обширные связи», — с улыбкой ответила Фан Фэй.

«Связи — это всего лишь обмен выгодами, когда каждый получает то, что ему нужно. Но нужно следить за тем, чтобы не переступить черту».

«Что значит „переступить черту“?» Фан Фэй почувствовала близость к этому кантонскому идиоматическому выражению.

«Во-первых, нужно самому представлять ценность; во-вторых, не следует чрезмерно эксплуатировать ресурсы собеседника».

Он — талантливый человек, но вряд ли согласится оставаться просто помощником. Фан Фэй быстро и решительно пришла к этому выводу.

Следующим соискателем был бледный аналитик Лан Цан.

«После работы я возвращаюсь домой, просматриваю последние новости отрасли, а затем обновляю свой аккаунт в Weibo, чтобы проанализировать для подписчиков некоторые особенные тенденции сегодняшнего дня».

Фан Фэй с улыбкой сказала: «Я читала ваши статьи — ваши взгляды очень острые, и вы точно в самую точку критикуете некоторые проявления несправедливости».

Лан Цан поправил очки, застенчиво улыбнулся и сказал: «Я просто стараюсь максимально раскрыть перед общественностью непрозрачную и неравноправную информацию, чтобы люди могли получить помощь. Это — часть социальной ответственности, которую должен нести каждый работник финансовой сферы».

Услышав эти слова, Фан Фэй одобительно кивнула.

Она подумала: «Он честный человек, прямолинейный мужчина, холодный снаружи, но горячий внутри; он отлично подойдет на должность аналитика или управляющего фондом, способного самостоятельно принимать решения. Но если речь пойдет о том, чтобы обходить препятствия и гибко реагировать на самые разные проблемы, то, боюсь, он не справится».

Следующим соискателем был «сын из богатой семьи» Лань Тин. Он выглядел опрятно, от него веяло холодной сдержанностью, и особенно когда он молчал, создавалось ощущение, будто он держит всех на расстоянии.

«Здравствуйте, господин Фан!» — раздался глубокий голос, и на его лице естественно расцвела теплая улыбка.

Отвечая на тот же вопрос, Лань Тин посмотрел Фан Фэй в глаза и сказал: «Я немного поиграю на фортепиано, позанимаюсь спортом, потом немного почитаю и попрактикуюсь в публичных выступлениях, но не позднее 23:00 я уже буду спать».

«Потренируюсь в публичных выступлениях? Можете ли вы исполнить для меня отрывок прямо здесь?»

Лань Тин встала и, используя свой глубокий и сильный голос, с выразительной интонацией начала речь: «The brave men, living and dead, who struggled here, have consecrated it, far above our poor power to add or detract.»

«Мир не обратит внимания и не запомнит того, что мы здесь говорим, но он никогда не сможет забыть поступки тех героев», — с чувством перевёл Лань Тин.

Фан Фэй, многократная чемпионка по ораторскому искусству, тоже поняла: «Это „Геттисбергская речь“ Линкольна!»

«Да, Линкольн считал, что, независимо от того, были ли это солдаты Союза или Конфедерации, жертвы павших в Геттисберге не были напрасными, и что народ сражался до последнего, чтобы обеспечить, чтобы правительство, принадлежащее народу, управляемое народом и существующее для народа, не пришло в упадок», — глаза Лань Тина заблестели.

«Ты очень любишь Линкольна?» — Фан Фэй уловила его горячую привязанность.

«Да, в детстве я был очень робким и нелюдимым. Позже, услышав истории о Линкольне, я понял, что, несмотря на все превратности судьбы, он никогда не сдавался и не уклонялся от своих обязанностей. Став президентом и положив конец Гражданской войне, он мог бы уйти со славой, но ради продвижения равенства прав человека и свободы он отдавал все силы делу освобождения чернокожих рабов и в конце концов был убит злоумышленником».

Лань Тин, полный восторга, сжал кулаки; прилив мужества и силы, словно лиана, распространился из глубины его сердца по всему телу. Он протянул правую руку и сказал: «Он — величайший лидер в истории! И это заслуженно! На самом деле, я очень восхищаюсь вашим опытом пробивания себе пути из низов. Я пришел на собеседование именно для того, чтобы поближе познакомиться с вами и поучиться у вас управлению».

Его глаза, яркие, как звёзды, заставили Фан Фэй увидеть в нём того Шэнь Юаня, который десять лет назад с такой скромностью обращался к ней за советом. У них обоих были выразительные глаза, и оба смотрели на неё с восхищением.

В этот миг Фан Фэй почувствовала себя в полной безопасности. Лань Тин также хорошо разбирался в юридических вопросах, что как раз компенсировало её недостатки, а взаимное уважение между ними стало основой для доверия и сотрудничества.

Фан Фэй вышла из комнаты и сказала Ли Вэйвэй: «Я хочу, чтобы Лань Тин стала моей помощницей».

«Тот молодой красавец с густыми бровями и большими глазами?» — с некоторым беспокойством спросила Вэйвэй. «Хотя он и окончил престижный зарубежный университет, у него меньше всего опыта работы. А это действительно сработает?»

«Ничего страшного. Лучший продавец Чжу Юэ лучше всего подходит для работы с клиентами, но он слишком увлечён удовольствиями, поэтому может стать кандидатом на должность заместителя генерального директора Гули. Аналитик Лан Цан обладает выдающимся талантом, но он слишком замкнут и не умеет управлять людьми, поэтому подходит на должность менеджера, отвечающего за управление фондом. Лань Тин, хотя и имеет небольшой опыт работы, способен, ясно выражает свои мысли и подаёт большие надежды — из него можно вырастить хорошего специалиста».

«Тогда заранее желаю вам плодотворного сотрудничества!» — Виви подняла большой палец.

Стеклянная дверь внезапно загремела. Фан Фэй подняла глаза и увидела Лян Цишань — директора по инвестициям и управляющего фондом «голубых фишек». Раньше он занимал

пост председателя комитета по принятию инвестиционных решений в «Тонда Инвест», затем стал директором по инвестициям, а с позапрошлого года также выполняет обязанности управляющего фондом. Его возлюбленной является Тонг Вуцзи, однокурсница Фан Фэй. Кстати, именно Фан Фэй и свела их вместе.

«О, без дела не приходят. В чём дело?» — Фан Фэй отложила блокнот и неторопливо поздоровалась с ним.

Лиан Цишан, вошедший в кабинет, немного неловко улыбнулся: «Я ухожу с работы, сегодня завершил все формальности и зашел попрощаться перед уходом».

«Почему? У тебя же всё хорошо шло», — недоуменно спросила Фан Фэй. «Неужели Вуцзи заставил тебя уйти?»

«Это было её предложение, но речь не о смене работы», — Лиан Цишан поспешно отрицательно махнул рукой.

«Она упрекает меня в том, что я думаю только о работе и уделяю ей слишком мало внимания и времени. После ухода я хочу взять её в путешествие, отдохнуть, завести ребёнка, а потом уже заново обдумать вопрос о работе».

Фан Фэй сказала: «Это не лучший выбор. Во время итогового отчета в конце года ты сам говорил, что перед лицом неопределённого будущего только грамотное распределение позиций по срокам, кредитному риску и левериджу, а также рациональная организация портфеля и торговых операций позволяют достичь многочисленных целей: оптимизации результатов и минимизации волатильности. Уйти так просто — разве это не растрата твоего таланта?»

Фан Фэй попала в самую точку, и на мгновение узкие глазки Лян Цишана слегка увлажнились. В конце концов, проработав столько лет, он быстро пришёл в себя и сказал: «Ты же знаешь, что в нашей профессии приходится работать без перерыва, организм уже давно истощён, а психологическая нагрузка огромна. Иногда не помешает немного отдохнуть».

Фан Фэй не отступала и спросила: «Ты же давно планировал уйти с работы, да?»

«Почему ты так думаешь?» — в глазах Лян Цишана мелькнула тень беспокойства, а на висках выступил пот.

«Сроки подобраны слишком удачно — как раз в тот момент, когда ты продал паи фонда и выплатил деньги инвесторам». Фан Фэй наблюдала за его выражением лица и намеренно переспросила: «Ты же не перешел в фонд «Юаньци», правда?»

«Откуда у тебя такие мысли? Дело действительно в семейных обстоятельствах. Ты же знаешь, Ву Цзи младше меня на десять лет, я боюсь, что это повлияет на наши супружеские отношения, и я буду жалеть об этом всю жизнь... Пойми, в моей родной провинции в моем возрасте уже бывают дедушки». Сказав это, Лян Цишан вытер пот тыльной стороной ладони.

«Хорошо, я понимаю. Тогда давай будем чаще общаться». Фан Фэй знала, что насилием ничего не добьешься, но уход опытного ветерана, безусловно, принесет компании убытки.

«Будем поддерживать связь! Когда будет время, давайте вместе с семьями поужинаем. Ву Цзи все время жалуется, что мы давно не выходили вместе в свет».

Проведя глазами Лян Цишана, уходящего вдаль, Фан Фэй позвонила Чжао Лин из отдела кадров: «Лан Цянь, с которым я сегодня проводила собеседование, — ты можешь рекомендовать его в отдел фондов акций, чтобы он взял на себя обязанности Лян Цишана».

«О, такой молодой и перспективный?»

Чжао Лин уже не в первый раз выполняла поручение Фан Фэй по переводу сотрудников из одного отдела в другой.

«Не стоит тратить впустую такой драгоценный камень», — сказала Фан Фэй. «В будущем, возможно, найдётся должность, которая подойдёт ему ещё лучше».

Глава 10

Ближе к концу рабочего дня элегантный и красивый Шэнь Юань припарковал машину у подножия здания и лично поднялся, чтобы встретить жену.

«Генеральный директор Фан, ваш муж — поистине исключительный человек!» — похвалили его присутствующие, хотя и слышали о том, что в последнее время точность прогнозов «бога акций» несколько снизилась.

Фан Фэй протянула руку, чтобы взяться за ручку сумки Prada, но он опередил её. В момент, когда они оказались рядом, она неожиданно уловила на Шэнь Юане легкий аромат женских духов.

Неизвестно, было ли его такое внимание проявлением чувства вины или заботой о ребёнке, которого ждёт его жена?

Фан Фэй, разгневанная, самостоятельно направилась к лифту в холле и поспешно нажала кнопку «вниз».

Лань Тин, как раз собиравшийся выйти, через стеклянную дверь заметил сжатые брови Фан Фэй и стоящего за ней «национального бога акций», после чего развернулся и вернулся в офис.

«Что с тобой?» — нетерпеливо спросил Шэнь Юань, следуя за ней в лифт.

Неожиданный вопрос задел Фан Фэй за живое. Ее настроение колебалось, и она невольно напрягла спину.

Она вырвала сумку из рук Шэнь Юаня и сказала: «Ничего! Ты сам прекрасно знаешь, в чём дело!»

«Что со мной? Что со мной может быть?»

Тяжёлое давление заставляло Шэнь Юаня мечтать только о том, чтобы спрятаться где-нибудь и выпустить пар. Он боялся, что жена заметит его необычное поведение, поэтому все это время терпеливо сносил её всё более причудливый характер, вызванный проверкой и береженностью. Но на этот раз он действительно не смог сдержаться.

Фан Фэй вздрогнула и с явным отвращением обернулась, бросив на него гневный взгляд: «Раньше ты никогда так со мной не разговаривал!»

Шэнь Юань вдруг осознал, что действительно немного вышел из-под контроля, особенно в этом тихом, замкнутом пространстве, где его голос наверняка звучал особенно резко. Он проглотил слова «У меня недавно случилась небольшая оплошность на работе», которые уже были у него на языке, и молча направился к парковке.

Фан Фэй открыла дверь машины; в тесном замкнутом пространстве у неё закружилась голова, и ей стало не по себе. Усевшись на место, Фан Фэй в очередной раз заметила, что сиденье сдвинуто, и с раздражением отодвинула его назад. Когда Шэнь Юань наклонился, чтобы пристегнуть ремень безопасности, оставшийся в салоне сладкий аромат окончательно вывел её из себя.

«Кто там сидел? Почему расстояние опять не такое, как раньше!»

«Не надо тебе подозревать всякого. Я просто подвезла по дороге одну подругу».

Шэнь Юань тоже с некоторым раздражением возразил. «Друг», о котором он говорил, была симпатичная личная тренерша из спортзала. Иногда после тренировки он подвозил её до входа в метро. Сегодня как раз так и было. В последнее время он и так был немного раздражён, поэтому Шэнь Юань не стал вдаваться в подробности и не хотел этого делать, боясь, что Фан Фэй неправильно поймёт.

Фан Фэй смотрела на мутный поток машин за окном, не произнося ни слова. В этот момент у неё зазвонил телефон.

Голос Сяо Чэна, полный заботы и нежной заботы, раздался в салоне: «Тебе уже лучше?»

«Намного лучше. Спасибо тебе». Как будто открылось окно, и тяжесть, давившая на грудь Фан Фэй, исчезла.

«Если тебе понадобится помощь, обращай ко мне, как и раньше, не стесняйся».

В этот момент, когда все отвернулись от неё, благодаря этому звонку в сердце Фан Фэй зародилось тепло.

«Хорошо, нет проблем. Если ничего не нужно, то я пока повешу трубку».

Увидев, как на губах жены появилась легкая улыбка, Шэнь Юань нахмурился и спросил: «Это Сяо Чэн? Как он с тобой связался?»

Гнев Фан Фэй вновь разгорелся, и она резко ответила: «Я только что спрашивала тебя, а ты не сказал правду. То, что я ответила на его звонок, тебя не касается!»

Шэнь Юань почувствовал унылое раздражение, вернулся домой, поужинал и заперся в кабинете.

Фан Фэй чувствовала себя ещё хуже: приняв душ, она сразу пошла в спальню, выключила свет и легла спать.

Атмосфера в доме в этот момент была холодной, как зимняя стужа в Харбине. И никто из них даже не мог представить, что ледяная стена между ними будет разбита самым невообразимым и жестоким образом.

На следующее утро сенсационная новость — «Генеральный директор компании «Тонда» Фан Фэй, обманутая родственниками на 3 миллиона, устроила скандал в полицейском участке» — стала главной темой разговоров на улицах и в переулках.

Шэньчжэнь и Гонконг — такие маленькие города, а круг знакомых там так тесен, что новость мгновенно облетела всю округу.

Чжан Юйлу, как обычно, хотела похвастаться облигациями, срок погашения которых уже наступил и которые принесли ей огромную прибыль, но увидела, что несколько старых знакомых стоят в кругу и громко болтают. Стоявшая лицом к Чжан Юйлу пожилая женщина, увидев её, внезапно побледнела и тут же замолчала.

Стоявшая к ней спиной Ася не успела остановиться и, совершенно не обращая внимания на доброжелательные подмигивания соседских теток, продолжала громко говорить: «Обычно такая наглая, а теперь невестка опустошила ей кошелек, а она даже не догадывается, ха-ха-ха...»

О том, что Чжан Юйлу любит хвастаться, знали все, да и сын Шэнь Юань с детства был примерным, так что она привыкла вести себя высокомерно и деспотично. Её старая подруга, терпевшая её более десяти лет, наконец-то дождалась случая и, конечно же, решила по-настоящему выпустить пар.

Чжан Юйлу же, ничего не подозревая, похлопала её по плечу и спросила: «О чём ты говоришь?»

Ася обернулась, вздрогнула от испуга, ее лицо мгновенно покраснело, и она тише, чем обычно, прошептала: «Ни... ничего, мой маленький внук собирается в школу, я сейчас пойду его провожу!»

Другие пожилые женщины, пришедшие порано на зарядку, увидев эту сцену, тоже натянули на лица натянутые улыбки. Кто-то сказала, что забыла выключить плиту, кто-то — что скоро начнётся дождь и нужно бежать домой забирать бельё, а кто-то — что её ищет супруг, и все в мгновение ока разбежались.

Чжан Юйлу осталась стоять в одиночестве посреди зеленой зоны жилого комплекса, и какое-то неопишное беспокойство, словно чёрная туча, накрыло её сердце. Она села и стала листать телефон, когда вдруг получила в групповом чате жильцов пересланную новость.

«Писк» — и в группе появилось ещё одно сообщение: «Скорее посмотрите, похоже, это невестка одного из жильцов нашего жилого комплекса».

Чжан Юйлу открыла страницу и увидела пострадавшую с растрепанными волосами. Хотя на лице была небольшая пиксельная маска, по причёске, фигуре и одежде она бы узнала её, даже если бы та превратилась в пепел. В ушах загремел гром, рука у неё задрожала, и телефон чуть не выпал на землю.

Шэнь Юань, у которого телефон был в бесшумном режиме, как раз записывал передачу «Утренний финансовый экспресс». Он и не подозревал о громкой новости, разразившейся в его собственном доме, и с улыбкой отвечал на вопросы ведущей У Цзин.

В этот момент через режиссера У Цзин внезапно передали записку. Прочитав её, она с неловкостью, но вежливо спросила: «Извините, по просьбе директора станции, могу ли я задать вам один вопрос, не связанный с акциями?»

Шэнь Юань на мгновение замялся, подумав: «Неужели это связано с тем, что Фан Фэй недавно забрали на допрос?» Но тут же вспомнил, что расследование уже закончилось, и его жена оказалась невиновной. Даже если его спросят об этом, беспокоиться не о чем.

Он кивнул и элегантно ответил: «Пожалуйста, спрашивайте».

Едва он закончил говорить, как на экране внезапно появилось несколько фотографий в высоком разрешении. На одной из них Фан Фэй со слезами на глазах указывала указательным пальцем на Фан Дайе, на другой — пыталась ударить Ма Чуньхуа, но Ма Тао схватил её за запястье...

Не будучи к этому готовым, Шэнь Юань, увидев эти кадры, касающиеся личной жизни его жены, широко раскрыл глаза, и кровь с шумом хлынула к голове.

У Цзин тоже не ожидала такого поворота событий; она сжала кулаки и, казалось, была потрясена даже больше, чем Шэнь Юань.

Шэнь Юань ещё не успел опомниться, как внизу страницы внезапно начали появляться комментарии пользователей: «Ого! Не своя семья — не входит в один дом! Муж — фальшивый биржевой гений, жена — умственно отсталая!»

«Наверное, он стал генеральным директором благодаря связям!»

«Достигла этого благодаря интимным связям?»

Увидев, что У Цзин так и не реагирует, руководитель студии поспешил попросить другого ведущего взять интервью у Шэнь Юаня в режиме закадрового голоса.

«Что касается вашей жены, генерального директора фонда «Тонда» Фан Фэй, которую, как выяснилось, её отец обманом лишил 3 миллионов юаней, принадлежавших её свекрови, — этот инцидент стал самой горячей темой во всём городе. Скажите, пожалуйста, что вы об этом думаете?»

Сердце Шэнь Юаня забило сильнее: почему жена никогда не упоминала о таком серьезном деле? Почему она, всегда так заботившаяся о своем имидже, оказалась в центре такого скандала? Судя по тому, как она одета на экране, это, похоже, произошло всего несколько дней назад. Но она вела себя как обычно, и ничто не давало повода предположить, что с ней случилось нечто столь потрясающее.

Кроме того, он никогда не слышал от тестя ни слова о займах, а из-за сильного характера жены не осмеливался вмешиваться в дела, связанные с её родной семьёй. Он знал лишь, что вскоре после их свадьбы отец жены женился во второй раз, и она практически не общалась со своей мачехой.

Все это время ему казалось, что Фан Фэй держит всё под контролем: в компании она — способная карьеристка, в семье отца — послушная дочь, а в их собственном доме — милая, но упрямая жена.

Но та сторона его жены, когда она с распущенными волосами в отчаянии била кулаками по полу, была ему совершенно незнакома. Как ему теперь ответить?

Однако если он на глазах у всех зрителей скажет, что вообще не в курсе этого дела, то сам станет объектом насмешек.

Что же ему делать?

Ему казалось, что голова вот-вот разорвётся, а дышать стало тяжело. В этот момент он хотел только одного — вырвать микрофон из рук ведущего и разбить экран вдребезги! Но как он мог позволить себе потерять самообладание на глазах у миллионов зрителей?

В конце концов, ему осталось только сказать в свою защиту: «Я знаю всё о том, что происходит с моей женой. Обе наши семьи стали жертвами, и я очень сожалею, что наши семейные дела отняли столько общественных ресурсов».

Едва он произнес последнее слово, как его спина полностью промокла от пота.

После интервью, выйдя из комнаты, он обнаружил на телефоне семь-восемь пропущенных звонков от матери и поспешил перезвонить ей.

Из трубки раздался громкий крик: «А Юань, твоя жена обчистила все мои сбережения на похороны!»

У Чжан Юйлу, у которого учащенно билось сердце и в груди колющая боль, удалось позвонить только после того, как он проглотил таблетку «Скорая помощь сердцу».

«Мама, я всё понял».

Голос Шэнь Юаня был похож на маленькую белую парусную лодку, качающуюся в бурю, и в мгновение ока был поглощён гигантской волной звуковых волн собеседницы.

«Я же тебе говорила, не связывайся с такой женщиной, которая тебе не подходит, а ты не послушал! Такую огромную сумму обманом у тебя отняли, где теперь ее заработать?»

У Шэнь Юаня снова заныла голова, дыхание стало прерывистым. Он не осмелился выместить злость на уже и без того сильно потрясённой матери, и мог только ударить кулаком по стене, пытаясь развеять эмоциональный срыв с помощью пронзительной, до костей проникающей боли.

«Мама, успокойся. Фэйфэй только на третьем месяце беременности. Разве ты не больше всего заботишься о внуке? Что важнее — деньги или единственный наследник мужского рода семьи Шэнь, передаваемый из поколения в поколение уже три поколения?» Говоря это, Шэнь Юань достал маленький пакетик и с трудом проглотил три таблетки.

Чжан Юйлу точно попали в самое уязвимое место, и она мгновенно сдалась, утратив всякую волю к сопротивлению. Внук — это же бесценное сокровище, особенно когда его с таким трудом удалось зачать сыну с физическим недостатком. Великое чувство долга перед мужем с трудом сдержало её ярость.

«Вы помните? Каждый раз, когда Фан Фэй ходила на лечение, её кожа была игольчато-покрыта укусами, как соты, и опухла до прозрачности, но она всё равно была готова пожертвовать ради меня! Сейчас ей наверняка тоже очень тяжело. Позвольте мне сначала разобраться в ситуации, а потом уже будем говорить, хорошо?»

— Ладно, подожду, пока ребёнок родится, а потом с ней разберусь! — прошипела Чжан Юйлу сквозь зубы.

В этот момент изящная красавица с длинными вьющимися волосами, шагая своими длинными изящными ногами, догнала его сзади и сказала: «Брат Шэнь! Бог фондового рынка! Подвези меня, раз уж ты едешь в ту сторону!»

Этот нежный, как вода, женский голос долетел и до ушей Чжан Юйлу.

«Мама, пока не могу разговаривать!» — с подозрительным видом повесил трубку Шэнь Юань.

Повесив трубку, Шэнь Юань с горькой улыбкой сказал Чжэн Тянь: «Не называй меня больше «богом биржи» — разве ты не знаешь, как меня в последнее время ругают инвесторы?»

Собеседница, заложив руки за талию и приподняв дугообразные брови, ответила: «Торговля акциями — это всегда риск: бывают и прибыли, и убытки. Кто может гарантировать, что каждый раз прогноз будет верным? Раньше, когда люди зарабатывали деньги, следуя твоим советам, разве они, кроме нескольких лестных слов, давали тебе хоть копейку? А сейчас, из-за нескольких ошибок, они так на тебя набрасываются. По-настоящему неблагодарные и ненасытные!»

Эти слова словно весенний дождь оросили измученное сердце Шэнь Юаня.

«Спасибо, что так меня поддерживаешь. Кстати, как ты здесь оказалась?»

«Я здесь в качестве зрителя на съемках кулинарного шоу. Пойдем, заедем в спортзал?» Чжэн Тянь улыбалась так ярко, как солнце, и в ее улыбке таилось особое очарование.

Шэнь Юань, беспокоясь о Фан Фэй, поспешно отказался: «Давай в другой раз, у меня ещё дела».

«Хорошо, тогда можешь подвезти меня до входа в метро?» — Чжэн Тянь сложила ладошки, выглядя при этом очень мило.

«Раз уж по пути, то ладно», — ответил Шэнь Юань, который не умел отказывать людям, даже несмотря на то, что вчера из-за подобной ситуации у него произошла неприятная ссора с Фан Фэй.

«Ой, а что с твоей рукой?» — Чжэн Тянь вдруг заметила его правую руку с покрасневшими, опухшими и покрытыми синяками суставами.

«Ничего страшного, пойдем скорее!»

Через полчаса, когда Шэнь Юань стоял за рулём, ожидая зелёного света, Чжэн Тянь, сидевшая на пассажирском сиденье, опустила стекло.

Эту сцену случайно заметила Ма Чуньхуа, переходившая пешеходный переход. Она инстинктивно потянула Фан Дайе за руку и сказала: «Это машина зятя, да? Белый «БМВ», номер заканчивается на 4М3?»

«Да, а что?» — Фа Дайе опустил взгляд на свой телефон. Когда он обернулся, то увидел только заднюю часть машины. Пройдя некоторое расстояние, они вышли на площадь.

«На пассажирском сиденье сидит молодая девушка, такая красивая, словно звезда», — настороженно заметила Ма Чуньхуа. «У зятя разве не появилась любовница?»

«Что ты несешь за ерунду! Он так любит нашу Фэйфэй, в те времена он так упорно за ней ухаживал, что не отступал ни на шаг, — как он мог измениться?» — горячо возразил Фан Дайе, горячо защищая дочь.

«Ты что, дурак? Разве бывает кошка, которая не ест рыбу? К тому же твоя дочь же только что забеременела, и им нельзя заниматься этим делом. Совершенно нормально, что у мужчины возникают мысли о измене», — Ма Чуньхуа усомнилась в интеллекте своего мужа.

«Этот негодяй!» Вспомнив улыбку дочери в день свадьбы, Фан Дайе с нетерпением хотел немедленно броситься к нему, чтобы высказать всё, что накопилось.

Ма Чуньхуа поспешила его остановить: «Хватит уже! В такой напряжённой ситуации ты не боишься, что они начнут требовать от тебя возврата долга?»

Фан Дайе, как только подумал о долгах, сразу же поник, схватился за корни волос и с тоской опустил на скамейку на площади.

Плач дочери, словно обрушившийся на землю, по-прежнему пронзал ему сердце, и он вздохнул: «Я такой бесполезный! Что же теперь будет с моей дочерью?»

Ма Чуньхуа и не подозревала, что её зоркий глаз наделал такую беду, и ей оставалось только выдумывать: «Не волнуйся, может, они просто обычные коллеги. Да и Фэйфэй такая способная, что даже если зять и изменил, ей это не составит труда! Если у тебя есть на это время, лучше позаботься о ребёнке, который у меня в животе».

Сказав это, она тоже села на скамейку, достала тот блестящий золотой амулет «Длинная жизнь», который сегодня уговорила Фан Дайе купить для малыша, и с удовольствием любовалась им, не замечая, как свекровь-кредиторша, сверкая гневными глазами, шаг за шагом приближалась к ним.

Глава 11

Свекровь Фан Фэй, Чжан Юйлу, была местной жительницей, сообразительной и энергичной женщиной, рано овдовевшей. Она с большим трудом, заработав кровью и потом, воспитала сына и приобрела семь-восемь квартир.

Теперь Чжан Юйлу от всей души надеялась, что в семью придет покорная и красивая богатая невестка, которая не только продолжит род, но и прославит семью, оправдав все её тяжелые труды.

Но реальность оказалась жестокой.

При первой встрече она ещё думала, что Фан Фэй — девушка из хорошей семьи, но после разговора с ней сильно разочаровалась: оказалось, что та проработала в «Тонда» всего чуть больше года, а выросла в неполной семье, где отец — мелкий предприниматель, чья судьба висит на волоске. С первого взгляда было ясно, что в этом браке девушка вышла замуж выше своего уровня!

Чжан Юйлу не могла поверить, что Шэнь Юань слушался эту девчонку как заклинание. Она плакала и устраивала сцены, но сын, словно под действием чар, не сдавался ни на шаг и настаивал на том, чтобы жениться на этой женщине.

«Почему?»

«Мама, мне кажется, что Фан Фэй такая же самостоятельная и способная, как ты в молодости».

Эти слова неожиданно тронули Чжан Юйлу. С какой-то точки зрения, иметь способную жену всё же лучше, чем ту, которая только и умеет, что тратить деньги на наряды. Хотя в конце концов она с трудом дала согласие, в душе она по-прежнему не могла с этим смириться.

После свадьбы невестка стремительно продвигалась по карьерной лестнице в компании, её зарплата росла вместе с этим, и в конце концов она даже стала генеральным директором, а ещё то и дело появлялась в городских газетах и журналах. Увидев, что способности невестки безупречны, Чжан Юйлу снова перенесла своё недовольство на её живот.

«Может, ты так заботишься о карьере, что не хочешь забеременеть, и тем самым мешаешь нашей семье Шэнь продолжить род?»

«Мама, это не так!»

Шэнь Юань переломил ситуацию с помощью двух медицинских заключений. Одно из них подтверждало, что Фан Фэй здорова, её матка развита нормально и никаких патологий не обнаружено. В другом же указывалось, что активность его сперматозоидов значительно ниже нормы.

Только тогда Чжан Юйлу поняла, что невестка уже поставила перед собой задачу забеременеть и родить ребенка, а причина, по которой это не удавалось, заключалась в том, что её «хороший сын» страдал азооспермией!

«Сынок, как это возможно! Я вижу, что ты совершенно здоров!»

«Мама, разве такие вещи можно определить по внешнему виду?» — беспомощно улыбнулся Шэнь Юань.

На протяжении многих лет Фан Фэй не собиралась заводить детей, и Шэнь Юань действительно испытывал некоторую досаду и сожаление. Но, узнав, что причина кроется в нём самом, он решил, что нет ничего плохого в том, чтобы просто следовать естественному ходу вещей.

В этот миг у Чжан Юйлу на глаза навернулись слёзы, и она с грустью подумала, что у семьи Шэнь не будет потомства.

«Мама, я собираюсь сделать искусственное оплодотворение», — в этот момент Фан Фэй высказала своё решение, и Чжан Юйлу, казалось, увидела чудо.

Фан Фэй снова и снова терпела мучения в ходе лечения: сначала она была полна надежды, а потом оказалась на грани отчаяния. Чжан Юйлу видела всё это собственными глазами.

Из-за чрезмерной рабочей нагрузки первая попытка имплантации у Фан Фэй закончилась неудачей. В тот момент Чжан Юйлу пришла в ярость, но потом немного пожалела об этом. Однако Фан Фэй с самого начала и до конца без колебаний курсировала между больницей, компанией и домом.

Узнав вновь радостную новость о беременности Фан Фэй, Чжан Юйлу постепенно покорилась этой замечательной невестке и даже передала ей около двух миллионов наличными, которые до сих пор не могла заставить себя положить в банк. То, что она поручила невестке управлять своими финансами, было самым искренним и высоким проявлением доверия.

Чжан Юйлу, которая любила деньги больше жизни, уже решила передать дело семьи Шэнь Фан Фэй. Неожиданно произошедшая беда не только разрушила её доверие к Фан Фэй, но и истощила сбережения, накопленные ею за половину жизни. И всё это из-за свекра и его жены, которую он привёл в дом!

В лучах заходящего солнца эта женщина, похожая на ведьму, всё ещё играла с блестящими золотыми украшениями!

Мои! Это все мои деньги!

Перед глазами Ма Чуньхуа внезапно появилась толстая лапа, которая с молниеносной скоростью выхватила из её рук амулет долголетия.

В панике Ма Чуньхуа во весь голос закричала: «Помогите! Ловите вора!»

Охранник, прислонившийся к перилам, давно не имел возможности проявить себя, и тут же бодро подбежал. Схваткой, подобной тискам, он схватил вора. Тот заорал, как подрезанная свинья, и кулон «долгой жизни» упал на землю. Ма Чуньхуа поспешила поднять его с земли, сдула с него пыль и сунула в сумку.

Она благодарно сказала: «Спасибо вам! Это она украла мой только что купленный большой кулон! Купила в «Чжоу Дафу», потратила целых десять тысяч!»

В ярости «преступница» с покрасневшими глазами громко заорала: «Срочно отпустите меня! Это куплено на мои деньги! А вот эти двое — мошенники! Они обманом выманили у старушки несколько миллионов! Быстрее, схватите их!»

Охранник, увидев, что женщина собирается сопротивляться аресту, уже собирался дать ей пару ударов, но, увидев её преклонный возраст, не осмелился это сделать.

Увидев её лицо, Ма Чуньхуа остолбенела: «Как это ты?»

Ей было ещё страшнее, что, как только охранник отпустит её, эта «тигрица» разорвёт её на куски.

«Вы знакомы?» Охранник тоже понял по их разговору и взглядам, что в этом деле есть что-то необычное.

Фан Дайе честно ответил: «Быстрее отпустите её, это наша сватья!»

«Зачем грабить знакомого человека? Вы что, считаете меня трехлетним ребёнком?»

Ма Чуньхуа вспомнила о той расписке. Если эта старуха действительно начнёт скандалить, ей грозит судебный процесс.

Она тоже натянула улыбку, притворившись ничего не понимающей, и стала заискивать: «Здравствуйте, сватья! Простите, я просто испугалась. Посмотрите, какая у вас красивая причёска, а этот наряд... ого... одни только дорогие вещи».

«Убирайся! Не пытайся меня обмануть».

Увидев, что охранник по-прежнему крепко держит Чжан Юйлу, Фан Дайе, покраснев, поспешил задобрить его: «Брат, пожалуйста, отпустите её, это действительно недоразумение!»

Охранник наконец-то смог проявить себя, но не ожидал, что наткнется на такую странную семью, и был в ярости. Послушав все их уговоры, он с неохотой отпустил ее и сказал: «В будущем не кричите без причины!»

Ма Чуньхуа, видя, что дело плохо, поспешила засунуть амулет в самый дальний угол сумки, застегнула три застёжки-молнии и спряталась за спиной мужа.

Чжан Юйлу была так измучена, что у неё растрепались волосы, а обе руки, заведенные за спину, жгли от боли от кончиков пальцев до локтей.

Она с презрением сплюнула, раскрыла правую ладонь и сказала Ма Чуньхуа: «Отдай!»

«Что?» — Ма Чуньхуа притворилась, что ничего не поняла.

«Деньги! Вы двое вместе с Фан Фэй обманом выманили у меня деньги!» — глаза Чжан Юйлу словно извергали огонь.

«Ах! Откуда ты узнала?» — у Фан Дайе подкосились колени, и он подумал: «Теперь всё кончено».

«Но у нас сейчас нет денег...» — Ма Чуньхуа же беспокоилась только о своих драгоценностях.

«Чушь собачья!» — сказала Чжан Юйлу. — «Разве ты только что не сказала, что пошла в «Чжоу Дафу» и потратила кучу денег на замок долголетия? Я что, ослепла или оглохла? Есть деньги на украшения, а вернуть мне нет? Давай, отдавай!»

«Я беременна, и в моём возрасте нужно особенно беречь малыша. Я только потому, что так принято, попросила мужа расплатиться кредитной картой и купить ребенку замок долголетия — я не могу его тебе отдать!» — оправдывалась Ма Чуньхуа, стараясь сохранять спокойствие.

Чжан Юйлу, глядя на её лицо, которое выглядело моложе её собственного, пришла в ярость: наверняка все деньги, которые она с таким трудом накопила, ушли у неё на посещение салонов красоты.

Сложив руки на талии, она пронзительно закричала: «У тебя нет ни капли стыда? Ты даже не вернула мне долг, а уже заставляешь мужа расплачиваться картой? В таком возрасте рожать — это такая тягота, лучше бы ты вообще не рожала!»

Рядом как раз проходили старики и старушки, возвращавшиеся с рынка и не прочь поглазеть на скандал; все они как по команде остановились.

Один из старых соседей, знакомый с Чжан Юйлу, тихо добавил: «Эта толстуха — богатая женщина из нашего района, а семья её невестки разбогатела, обманом завладев её деньгами!»

«Сватья, давай пойдём домой и поговорим об этом спокойно, не устраивай здесь скандал...»

Толпа зашумела: «О, слышали? Он назвал её сватьей! Эти двое явно не из хороших! Даже деньги своих родственников обманом забирают».

«Я специально хочу говорить об этом здесь! В любом случае, деньги уже потеряны, мне всё равно!»

Чжан Юйлу повернулась к соседям и громко заявила: «Давайте, выскажитесь! Эта пара обманом выманила у меня 3 миллиона на покупку финансовых продуктов, в результате чего я потеряла все до последней копейки! Они сами дошли до такой нищеты, но вместо того, чтобы вернуть деньги, предпочитают тратить деньги с кредитной карты на золотые украшения! Как на свете могут быть такие бесстыдники!»

Окружающие бросали на Ма Чуньхуа презрительные взгляды.

Некоторые любопытные заметили: «Эта кокетливая хозяйка ресторанчика, как говорят, завела роман с богатым пожилым мужчиной, а на самом деле просто обманывала его дочь и её свекровь! Какая низость!»

«Кто бы ни взял такую женщину, тому не поздоровится!»

Ма Чуньхуа покраснела до ушей и не стала продолжать спор.

Но Фан Дайе сказал: «Дорогая, просто отдай ей украшения!»

«Почему? Это же подарок, который ты купил для малышки!» Ма Чуньхуа, впад в панику, повысила голос; слезы навернулись на глаза, и последние слова она произнесла особенно громко.

Толпа с ещё большим шумом заговорила: «Долги нужно возвращать — это закон природы! Богатеть за счёт кредиторов — это просто перебор!»

Все, кого переполняло праведное возмущение, встали на сторону Чжан Юйлу, а те, кто знал о прошлом Ма Чуньхуа, громко издевались над ней.

Фан Дайе был окружён толпой из трёх рядов, не мог даже выйти из круга и испытывал сичайшее беспокойство.

Ма Чуньхуа смотрела на лица, полные презрения, и, вспоминая всех тех негодяев, с которыми ей пришлось столкнуться за эти двадцать лет в Шэньчжэне и Гонконге, а также все перенесённые ею обиды, чувствовала, как гнев в её сердце разгорается всё сильнее.

Она твердо решила: «Это же вы разрушили мою репутацию и заставили меня жить в одиночестве, из-за чего мне пришлось обратиться к Фан Дайе за деньгами, чтобы разбогатеть. Разве я поступила неправильно? Для меня в этом мире важнее всего только деньги! Я, Ма Чуньхуа, сегодня ни за что не отдам этот амулет долголетия!»

Она перешла в наступление: «Твой сын тоже не лучше! Настоящий „бог фондового рынка“, который каждый день на телевидении выглядит таким важным, а на самом деле за спиной беременной жены заводит любовницу!»

«Что ты говоришь? Говори, но приведи доказательства!» Чжан Юйлу невольно вспомнила нежные вздохи, которые слышала утром из мобильного телефона сына, и в мгновение ока растерялась и потеряла уверенность.

«Сегодня я собственными глазами видела, как в роскошном автомобиле твоего сына ехала какая-то кокетка!» — Ма Чуньхуа, воспользовавшись моментом, продолжила натиск.

«Ты имеешь в виду того „бога акций“, из-за которого наша семья понесла убытки? У него такой низкий моральный облик?»

«Неудивительно, что его прогнозы не сбываются! Какой же он бездушный!»

Общественное мнение, как и следовало ожидать, снова изменилось: теперь обе стороны подверглись осуждению.

Видя, что Чжан Юйлу боится за репутацию сына, Фан Дайе поспешно протянул ей последние 300 юаней из кошелька и сказал: «Свекровь, у меня действительно нет денег, возьми пока это. Как только у меня появятся деньги, я продолжу тебе возвращать!»

Чжан Юйлу, хватая деньги, ругала его: «Как будто нищему подавание даешь! Из трех миллионов ты даешь мне триста! Знаешь что, тебе просто повезло на этот раз — у меня дома варится суп, и я спешу домой, чтобы выключить огонь! Мне всё равно, какими способами вы это сделаете, но мои деньги должны быть возвращены мне до последней копейки!»

Сказав это, она, внешне сильная, но на самом деле слабая, «высокомерно» протиснулась сквозь толпу.

Увидев, что зрелища больше не будет, собравшаяся толпа рассеялась.

Ма Чуньхуа была в ярости и тихо пробормотала: «Что она себе позволяет? Твоя дочь с таким трудом забеременела после искусственного оплодотворения, а её сын изменяет ей на стороне. Если ребёнок плохо воспитан, виновата мать!»

«Хватит, хватит! Не говори больше! Тебе ещё не достаточно позора?!» — раздражённо воскликнул Фан Дайе, схватив её за руку и поспешно уводя домой.

Ма Чуньхуа, вспомнив, что в сумочке всё ещё лежит амулет долголетия, улыбнулась и ворча сказала: «Ой! Ты меня ушиб!»

Глава 12

Фан Фэй, оказавшаяся в центре скандала, тоже провела этот день нелегко. Утром, когда она направлялась на работу, ещё не дойдя до входа в офисное здание, её остановили два журналиста.

«Скажите, удалось ли вам вернуть деньги, которые у вас украли?»

«Что?» — Фан Фэй нахмурилась, и в душе у неё что-то затрепетало. Она не ожидала, что эта история разлетится, но всё же, сохраняя невозмутимый вид, ответила: «Это мои личные дела, не имеющие отношения к работе, прошу прощения, но я не могу ничего сказать».

«Но вы, будучи генеральным директором инвестиционной компании, позволили обмануть себя на несколько миллионов. Считаете ли вы, что имеете право занимать эту должность и

управлять средствами на сумму в несколько десятков миллиардов? Способны ли вы по-прежнему нести ответственность перед инвесторами?»

Эти слова прозвучали в резком тоне из уст финансовой журналистки в очках с широкой оправой, которая протянула ручку для интервью так близко, что она едва не ткнула Фан Фэй в глаз.

Фан Фэй с отвращением отскочила назад, но неожиданно наступила каблуком на небольшую трещину в плитке, пошатнулась и уже была готова упасть. В этот момент чья-то рука уверенно поддержала её за спину.

«Осторожно!» — услышала она мягкий, как шелк, но в то же время мужественный и сильный мужской голос.

Неизвестный встал перед ней, защищая её, и холодно и профессионально ответил журналистке: «Согласно статье 38 Конституции, личное достоинство граждан нашей страны не подлежит посягательству. Генеральный директор Фан имеет право отказать в любом интервью без предварительной записи!»

«А что... а что с гражданами? У граждан тоже есть право на информацию. Если профессионализм этой фондовой компании не соответствует требованиям, разве люди, купившие паи фонда, не понесут огромные убытки?» — эта журналистка тоже была остроумна; хотя её напор несколько ослаб, она не собиралась сдаваться.

Фан Фэй, услышав, что собеседник умеет цитировать юридические нормы, догадалась, что этот защитник, возможно, и есть Лань Тин. С того момента, как она услышала, как он цитирует «Геттисбергскую речь», она поняла, что в душе этого мужчины живет дух рыцарства. И действительно, когда она оглянулась, то увидела, что Лань Тин сегодня был одет в элегантный серо-голубой костюм с вертикальными полосками, сшитый на заказ, и выглядел даже немного как дипломат.

Лань Тин спокойно и уверенно парировал: «Об этом событии сообщила газета „Городская ежедневная газета“, а не ваша газета. Я бы хотела спросить вас: исходя из пяти основных элементов новости, насколько вы уверены в достоверности фактов, на которых основано интервью той стороны? Насколько большая часть этой информации является вымыслом?»

«Ну...» — журналистка онемела. Это не была информация из первых рук, полученная их газетой, и она не знала, насколько надежен источник. Этот симпатичный молодой человек, казавшийся таким вежливым и утончённым, был остр, как мечник, и подавил её настолько, что она не смогла ничего ответить.

Увидев, что собеседница не может ответить, Лань Тин приступил к разъяснению закона: «Согласно пункту 5 статьи 42 «Закона об административных наказаниях за нарушение общественного порядка», за публичное оскорбление других лиц или клевету на других лиц путем выдумывания фактов; пункт 6: за подглядывание, тайную съемку, прослушивание и распространение личной информации о других лицах предусмотрено наказание в виде задержания на срок до пяти суток или штрафа в размере до 500 юаней; при отягчающих обстоятельствах — задержание на срок от пяти до десяти суток и штраф в размере до 500 юаней. Если кто-то еще будет приставать к господину Фан, мы можем привлечь адвоката для расследования этого дела и подать иск о возмещении ущерба».

«Ладно! Пусть будет так, вы умеете играть по своим правилам!» Журналистка наконец сдалась, отступила на шаг, убрала камеру и собралась уходить.

Остальные журналисты, почувствовав, что дальнейшее преследование может обернуться неприятностями, тоже поочередно отступили в стороны, освободив проход.

Фан Фэй сделала всего два шага, но обнаружила, что одна подошва выше другой — оказалось, что у неё сломался каблук.

«Г-жа Фан, дайте мне сумку».

Лань Тин естественным движением взял её большую сумку и протянул руку, джентльменски предлагая ей взяться под руку. С его помощью Фан Фэй с изящной осанкой вошла в лифт.

«Спасибо», — с облегчением и искренностью сказала Фан Фэй, когда двери лифта закрылись.

Лань Тин скромно ответил: «Всё это я выучил ещё в университете. В критический момент это просто сорвалось с языка — вполне хватило, чтобы запугать их. Если бы они не отступили, мы бы довели дело до конца. Кто не нападает на меня, того я не трогаю...»

«Если кто-то нападает на меня, я обязательно отвечу тем же», — следующую фразу они произнесли в унисон.

Фан Фэй показалось, будто в ушах зазвучала мелодия красивых фортепианных нот. Вся тягостная напряжённость, накопившаяся у неё за последние несколько дней, выплеснулась наружу в тот момент, когда этот молодой парень помог ей «разобраться» с журналистами.

Ей не хватило духу обманывать Лань Тина, и она вдруг тихо сказала: «На самом деле это правда».

На лице Лань Тина мелькнуло выражение удивления.

«Сейчас я нахожусь в сложной ситуации, когда на меня нападают со всех сторон, поэтому мне нужна твоя помощь. Что будет дальше — трудно сказать, но я ни в коем случае не обману тебя». Говоря это, в глазах Фан Фэй мелькнула едва уловимая горечь, словно раздавленные лепестки, но в основном в них читалось спокойствие, словно вода в озере.

По мере того как лифт поднимался этаж за этажом, между ними воцарилась тишина.

Настроение Лань Тина постепенно успокоилось. Он кивнул и сказал: «Для меня большая честь проявить себя под пристальным вниманием такого знатока. С этого момента я буду вашим круглосуточным помощником. В любое время, если возникнут трудности, можете позвонить мне».

«Отлично, тогда я сейчас же поручу вам задание».

Раздался звук «динг», и двери лифта открылись. Фан Фэй с улыбкой на лице вышла из кабины.

В это же время в подземный паркинг компании въехал чёрный «БМВ», из него вышел мужчина с седыми волосами, но с необыкновенной аурой, и с серьёзным выражением лица вошёл в лифт.

В кабинете генерального директора Фан Фэй объясняла Лань Тину суть работы.

«Наша основная продукция — это облигационные фонды. Через три месяца компания запустит пять облигационных фондов общей стоимостью до 20 миллиардов. Твоя задача — помогать мне выбирать лучшие варианты и контролировать, чтобы команда продаж реализовала эти фонды в кратчайшие сроки».

В этот момент Фан Фэй решила проверить профессиональную осведомлённость Лань Тина: «В конце 2014 года объём облигационных фондов по всей стране не превышал 350 миллиардов, а к 2019 году он вырос до 2,5 триллиона. Знаешь, почему?»

«Может быть, это связано со спадом на фондовом рынке? Чтобы застраховаться от рисков, капитал устремился в более надежные облигационные фонды? Кроме того, облигационные фонды обычно находятся в прямом или косвенном владении банков. Неужели банки, откликаясь на призывы регулирующих органов и стремясь к «уверенности в чистой стоимости», увеличили спрос?»

В конце концов, Лань Тин проработал в этой отрасли еще не так долго и чувствовал себя как моряк в бескрайнем океане: не видя звездных ориентиров и не понимая, в каком направлении плыть, он мог только строить домыслы.

«Знаешь — знаешь, не знаешь — не знаешь». Фан Фэй сдержала улыбку и строго посмотрела на него.

Лань Тин действительно не очень хорошо разбирался в этом и, слегка смутившись, ответил: «Не знаю, прошу вас просветить меня».

«На самом деле ты упустил один момент. Министерство финансов, стремясь поддержать развитие финансовой отрасли, специально издало постановление, освобождающее публичные инвестиционные фонды от уплаты налогов. Поэтому, когда банки инвестируют в наши облигации, это также позволяет им обоснованно снизить налоговую нагрузку», — Фан Фэй раскрыла секрет. «Именно поэтому, благодаря наличию инвесторов и торговых операций, ситуация с облигационными фондами выглядит столь обнадеживающей».

Только тогда Лань Тин осознал, что его знания ограничивались лишь поверхностными сведениями и не затрагивали сути дела.

«Тогда о чём же вы беспокоитесь?»

Фан Фэй с тревогой ответила: «Я опасаясь, что в условиях жесткого регулирования, вслед за денежными фондами, фондами с внешним управлением и дифференцированными фондами, следующим продуктом, подвергнутому усиленному надзору, станут облигационные фонды».

Ли Вэйвэй внезапно, с торопливым выражением лица, быстро вошла в офис; она слегка кашлянула, прервав их разговор. Последний раз она выглядела так в тот день, когда её увезла Чжан Нин, и Фан Фэй невольно почувствовала лёгкое беспокойство.

И действительно, Вэйвэй сообщила неожиданную новость: «Председатель Чи неожиданно приехал в компанию и просит вас немедленно прийти в его кабинет. Он говорил очень резким тоном, будьте осторожны».

Чи Цзянь занял пост председателя совета директоров два года назад, сменив на этом посту У Да. Еще двадцать пять лет назад, имея определенные связи, он начал карьеру на среднем звене в филиале и дослужился до заместителя генерального директора отдела планирования и финансов головного офиса «Тонда», пять лет назад был повышен до генерального директора отдела рисков головного офиса, а два года назад занял сразу несколько должностей: президент головного офиса и генеральный директор отдела активов, а также член совета директоров «Тонда Финансовый лизинг», и, наконец, занял кресло первого человека в компании.

Фан Фэй и Чи Цзянь придерживались разных подходов к подбору кадров, поэтому, когда она начала проводить радикальные кадровые реформы, между ними возникли противоречия. Не собирается ли Чи Цзянь, известный своей мстительностью, устроить ей расправу? С мрачным выражением лица Фан Фэй передала блокнот Лань Тин, а затем направилась прямо в кабинет председателя совета директоров.

Едва она постучала в дверь и вошла, как Чи Цзянь бросил на неё пронзительный взгляд. «Хлоп!» — и газета того дня оказалась у её ног.

Фан Фэй сделала вид, что ничего не заметила, по-прежнему спокойно улыбаясь, подвинула стул и села, после чего неторопливо сказала: «По какому поводу вы меня вызвали? В последнее время продажи растут, в этом месяце мы снова превысили показатели прошлого года на 8 % и занимаем первое место среди конкурентов в отрасли...»

«Хватит! Я вызвал тебя не для того, чтобы слушать рутинный отчёт!» — безжалостно прервал её Чи Цзянь. «Я слышал, что полмесяца назад тебя задержали сотрудники отдела по борьбе с экономическими преступлениями, а сегодня из-за семейных проблем о тебе говорит весь город. Сейчас пользователи сети считают тебя посмешищем, и твоё поведение уже нанесло ущерб имиджу компании».

Эти слова вонзились в сердце Фан Фэй, словно нож. Хотя она, находясь под огромным давлением, изо всех сил старалась справиться с трудностями, внезапное оскорбление со стороны начальника заставило её сжать кулаки, и у неё даже возникло ощущение удушья — грудь сдавило, дышать стало тяжело.

Сдерживая внутреннюю боль, она, делая вид, что ей всё равно, пожала плечами и сказала: «Ну и что? Мои семейные дела не имеют большого отношения к работе. Статья 38 Конституции гласит, что личное достоинство граждан Китайской Народной Республики не подлежит посягательству; в соответствии с пунктом 5 статьи 42 «Закона об административных правонарушениях», в отношении организаций или лиц, открыто оскорбляющих других или клеветавших на них, выдумывая факты, я могу поручить юридическому отделу направить им официальное письмо от адвоката».

Чи Цзянь на мгновение остолбенел — он и подумать не мог, что Фан Фэй сможет отбить его аргументы с помощью юридических знаний. Озлобленный и униженный, он сказал: «Ладно, не будем об этом. Разве ты не беременна? Учитывая, тебе, пожалуй, не стоит сейчас заниматься такой напряжённой работой. Лучше я дам тебе длительный отпуск, чтобы ты могла спокойно лелеять ребёнка дома!»

От его слов у Фан Фэй закипела кровь. Она усердно трудилась, не щадя сил и нервов, и с таким трудом дошла до сегодняшнего дня — как она может просто так уйти!

Она продолжала, мягко, но решительно, разыграв свой козырь: «Скоро начнется продажа облигационных фондов на общую сумму 20 миллиардов. Если меня не будет, это, боюсь, повлияет на показатели продаж!»

«В этом можешь не беспокоиться, я попрошу Линь Чена помочь мне. Разве ты не доверишь даже своему бывшему начальнику?» — безжалостно отверг Чи Цзянь.

Если она согласится на условия Чи Цзяня, её лишат полномочий и понизят в должности. Те, у кого она когда-то отняла привилегии, снова начнут набирать силу, а эффективное и лаконичное руководство среднего звена вновь станет коррумпированным и переполненным.

Увидев, что она по-прежнему стоит на месте, не шелохнувшись, Чи Цзянь недовольно перевел взгляд за окно и сказал: «Дело закончено, ты что, не уходишь?»

Фан Фэй сжала кулаки и, опираясь на закон, возразила: «Согласно положениям «Трудового кодекса», беременные женщины имеют право работать в обычном режиме. Умоляю вас ещё раз всё обдумать. Я готова соревноваться с Линь Чэнь по результатам работы и доказать свои профессиональные способности конкретными достижениями!»

Чи Цзянь не ожидал, что она приведёт в качестве аргумента «Закон о труде», и ещё больше разгневался: «Сейчас все вокруг говорят, что для компании «Тонда» назначение такой дуры, как ты, на должность генерального директора — это позор! Я пошёл тебе навстречу и разрешил уйти в декретный отпуск ради твоего же блага, так почему ты всё ещё не уходишь?»

Этот гневный крик растоптал достоинство Фан Фэй, словно скомканную бумажную салфетку. Для неё, которая с детства была отличницей и лидером на работе, это было словно удар молнии, пронзивший её от макушки до подошв. Она почувствовала, как земля закружилась, а затем перед глазами потемнело, и она рухнула на пол.

Эта сцена застала Чи Цзяня врасплох, и он поспешно позвонил в отдел кадров: «Срочно присылайте кого-нибудь! Фан Фэй потеряла сознание в моем кабинете!»

Глава 13

В больнице бледная Фан Фэй лежала с закрытыми глазами на белой больничной койке, с капельницей на левой руке, и до сих пор не приходила в сознание. Ей казалось, будто она парящим шагом идет по темной пещере, не видя ни солнца, ни луны, и не зная, что ждёт её в будущем.

Она слишком доверилась обещаниям отца и, надеясь на удачу, присвоила облигационный фонд свекрови — вот почему оказалась в этой бездонной пропасти. Когда же ей удастся выбраться отсюда? Впереди, казалось, пробивался слабый луч света.

«Фэйфэй, Фэйфэй...» — раздался призыв, доносящийся издалека. По мере того как голос становился громче, свет постепенно расширялся, и перед глазами Фан Фэй появились белый потолок, белоснежные стены и сам Фан Дайе.

«Папа, как ты здесь оказался?»

Каким бы рассеянным ни был отец, он сумел вовремя появиться в тот момент, когда дочери больше всего нужно было утешение, и Фан Фэй почувствовала необыкновенное тепло.

Фан Дайе неловко ответил: «Я как раз был поблизости, как только получил известие, сразу же примчался сюда».

«Где я?» — как только Фан Фэй попыталась сесть, она почувствовала легкое покалывание на тыльной стороне ладони и только тогда заметила, что ей все еще капают капельницу.

«Только не шевелись, когда тебя привезли, у тебя уже были кровянистые выделения, врач строго велел тебе обязательно побережись». Говорила Ма Чуньхуа, поддерживающая Фан Дае под руку; она ласково взяла Фан Фэй за руку и сказала: «Женщинам, знаешь ли, нужно быть очень осторожными...»

Фан Фэй отдернула руку и отвернулась. В комнату вошли Вэйвэй и Лань Тин со счётом за лечение. Увидев, что Фан Фэй очнулась, Вэйвэй просияла.

«Госпожа Фан, мы приехали вместе со скорой помощью. Председатель Чи поручил мне передать вам, что, как только вы поправитесь, вам следует вернуться на работу, но...»

— «Но что?» — Фан Фэй догадалась, что Чи Цзянь наверняка не будет к ней благосклонен.

«Он сказал, что по вашему возвращении вам нужно будет вместе с Линь Чэнь реализовать облигации на общую сумму 20 миллиардов. Тот, кто продаст больше, останется на посту генерального директора. Если Линь Чэнь потерпит неудачу, она сможет остаться менеджером; а если вы потерпите неудачу...»

«То что?» У Фан Фэй возникло дурное предчувствие.

Дойдя до этого места, у Вэйвэй даже глаза наполнились слезами: «Вам придётся работать инвестиционным консультантом и навсегда покинуть руководящую должность».

«Хорошо, я поняла. Злиться бесполезно, лучше сразу начать придумывать, как выиграть эту битву».

Фан Фэй обратилась к Лань Тину: «Мне очень неловко — едва я вас приняла на работу, как у меня тут начался полный хаос. Если вы хотите сменить должность, я могу сразу же это одобрить».

«Как же так? Чем сложнее ситуация, тем больше я должна вносить свой вклад. Если мы все будем действовать сообща, то обязательно преодолеем эти трудности», — невозмутимо ответила Лань Тин. «Генеральный директор Фан, за последние несколько дней я уже подготовила несколько вариантов. Когда вам станет лучше, просто взгляните на них и дайте указания, как мне действовать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.